

АЛЕКСАНДР ШАХМАТОВ

Вселенная Россия

Александр Шахматов Вселенная Россия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36623720

ISBN 9785449332530

Аннотация

Автор описал русский культурно-научный вклад в Цивилизацию. Странствуя по Миру, он изучал языки, культуры и традиции наций. Ныне знание и опыт передаёт молодому поколению. Певец открывает истинное людское, как мыслитель даёт ответы на вопросы жизни. Ведает о Русском мире – по Вселенной. Публицист пишет с любовью о русском народе – Великой России! Книга поможет молодёжи одолеть житейские трудности, увидеть красоту жизни. Люди – чудесное создание Творца.

Содержание

Китай	5
Австралия	32
Северная и Южная Америки	61
Европа, Азия и Африка	124
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Вселенная Россия

Александр Шахматов

© Александр Шахматов, 2018

ISBN 978-5-4493-3253-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Китай

Это был тот самый живописный, божественной красоты уголок земли – трёхречье: Хаула, Дербула и Гана, расположенный среди маньчжурских сопок, степей и лесов на территории Китая, куда волей судьбы были заброшены русские люди, небольшая часть из которых еще в конце девятнадцатого века, а большинство после кровавой революции в России. Русские поселенцы, в основном забайкальские казаки, с многодетными семьями на дикой земле первым долгом возводили храмы, а затем строили жилые дома, школы, все в русском стиле. В течение десяти лет было построено около двенадцати поселков. И вот в одном из них, в поселке Покровка, родился я, в патриархальной русской семье 24 апреля 1947 года. Отец Василий Симеонович Шахматов был родом из Тобольской губернии, а мать Пелагия Ильинична, урожденная Ушакова, из Оренбургской. Старшей из детей была сестра Наталия, затем братья Павел, Виктор, Николай, а младший брат Михаил родился позднее в городе Якеши – около великой китайской железной дороги. Крестил всех нас отец Иоанн Старосадчев. Батюшка был богатырем не только духовным, но и физическим. Кроме священнослужения он занимался сельским хозяйством, сам пахал, косил, сеял, жал и молот. Священником отец Иоанн был по призванию, когда он еще был юношей, отец Иоанн Шадрин предсказал ему

Божий путь. Раньше ведь все было так, как полагается, священнослужителя выбирали всем приходом, и если один прихожанин говорил, что тот не достоин, то кандидатура снималась. Это неудивительно, ведь народ был глубоко верующим. Наша семья в основном занималась сельским хозяйством, разводили: коров, лошадей, овец, свиней, гусей, уток, кур, сеяли хлеб, ловили рыбу, охотились. Позднее наш дед Симеон Прокопьевич, которого называли Ильей Муромцем, потому что был он человеком необыкновенной силы и весил восемь пудов, открыл кожевенно-шубный завод, что очень облегчило жизнь многодетной семьи. Бабушка Евфросиния Федотовна, от рождения Бородина, была кроткая, мудрая и добрая, мало говорила, но много делала, у нее всегда был готов самовар на столе, так как дед Симеон любил пить горячий чай, раз пять в день. Дедушка и бабушка со стороны матушки – Илья Михайлович Ушаков и Парасковия Меркурьевна, урожденная Аникьева, имели сырный завод, знание о сыроварении дед Илья приобрел в Германии, когда был в плену в первую германскую войну. Но, к сожалению, его жизнь оборвалась в совсем молодые годы, когда он, отбившись от напавших на него хунхузov – разбойников разогрелся и выпил ключевой воды, после чего скоростижно скончался. Похоронили его на станции Бухиду (Китай). Бабушка Параскевия, будучи очень молодой, вскоре вышла замуж за доброго человека, любимца всех поселенцев – Сергея Матвеевича Крупина. Жизнь была деревенская, здоровая,

народ честный, трудолюбивый и хозяйственный! Когда приходила пора убирать хлеб, косить сено, то в поселках оставались одни женщины и маленькие дети. Я особенно любил это время. С какой любовью жены, матери, сестры готовились к возвращению мужиков домой с полей, шла хлопотливая работа. Нужно было приготовить праздничную пищу, а пища-то деревенская, ничего лучше не может быть! Нам, немногим мальчуганам, приходилось пробовать вкусное изготовление милых хозяйшек, поскольку был пост и взрослые не нарушали обряды, зато мы от души их выручали!

Мы с удовольствием помогали родителям: подметали двор, мыли полы в доме, мололи мясо для котлет и пельменей. А так как было много домашних животных, то все с детства научились ухаживать за ними. Я очень любил лошадей, особенно жеребят! Иногда отец нас баловал – брал с собой на покос и на заимку, за что мы охотно помогали ему. А с какой радостью встречали светлые праздники: Рождество Христово, Пасху, Крещение, Николин день. Народ был истинно верующий – все соблюдали посты, говели и причащались. После поста и воздержаний от злых привычек праздник был именно праздником! Нам, детворе, воздержание и смирение давались нелегко. Но мы старались соблюдать все, что положено, из-за боязни перед Богом, уважения к родителям и чувствительного облегчения души и тела. Но когда приходил праздник, наступали святые дни, то радовались и весе-

лились все, от мала до велика. В поселке все друг друга знали, ходили по домам, традиционно поздравляя, добра, счастья и здоровья желая! Конечно, не всегда в деревне все было гладко, бывали и трагические моменты, переживания. Был такой случай в нашей семье – брат Виктор, которому было только три года, решил пойти к отцу на заимку, запомнив, в какую сторону он уехал на лошадях. Пошел в том же направлении. Прошло несколько часов, мать стала звать нас на обед, все собрались, а Виктора нет, мать решила, что он где-то под забором уснул, как это часто бывало, отправила Павла искать. Он бегал вокруг, звал: «Витя, Витя!» Ответа не было, соседи тоже отвечали, что не видели его. Тогда мать побежала в церковь просить батюшку звонить в колокола, бить тревогу. Около храма стали собираться жители поселка. А время уже подходило к закату солнца, батюшка попросил всех зайти в храм и сразу начал служить молебен Святителю Николу Чудотворцу. Мы все были очень напуганы, а матери стало плохо. На улице уже начинало вечереть, и все знали, что вокруг дикие места и водятся волки. После молебна опять все вышли на улицу, соседка Мария Петровна Иванова, выходя из храма, воскликнула с крыльца: «люди добрые, вон там я вижу вдаль черное пятно», указывая рукой. Все смотрят и ничего не видят. Тогда она говорит своему сыну – «дорогой Валечка, садись скорее, родненький, на коня и скачи туда». Хотя Валя тоже ничего не видел, но послушался, вскочил на коня и помчался, куда мать показы-

вала. Проехал уже больше километра, а вблизи нет ничего. Вдруг он увидел, как по направлению в гору разделяется высокая трава, как будто её ветром разрезает. Подскакал туда и обнаружил Виктора, который уже не мог плакать и только шел вперед через высокую траву. Валя взял его и как можно скорее помчался домой, ведь уже темнело, и начали выть волки. Все сельчане ждали, и когда увидели, что они вернулись, то от радости плакали и приговаривали «Чудо, благодарим Тебя, Святитель Никола!» Отслужили благодарственный молебен Всевышнему и разошлись по домам. Вот почему на Руси всегда почитали Святителя Николу, да и не только у нас, но и во всех странах мира! Мы, дети, скоро забыли это неприятное событие, но мать, бабушка и сестра не спускали с нас глаз.

В Покровке жило много образованных людей: инженеров и офицеров. Жители других сел всегда приговаривали, что у нас живут развитые люди! Считали Покровку культурным центром Трехречья. Поселок был расположен на крутом берегу быстрой горной реки Илгачи, в которой водилось много разных рыб: щуки, тайменя, сазана. А какая была природа! Черемуха, яблони, земляника, грузди... Дикая живность, звери, птицы – волшебный край! Только жить и поживать! Но чума XX века – революция – продолжала преследовать людей, китайская земля тоже уже была захвачена маркобесием и произволом, докатило и до Трехречья. Начали

раскулачивать, рушить все здоровое, стали исчезать мужчины-казаки, оставались многодетные семьи без отцов, хозяев, счастливой жизни. Бабушка Евфросиния умерла. Запрягли лошадей и быков и покочевали к железной дороге в город Якеши, где была большая община русских, а главное, была гимназия. Наши родители всегда стремились дать образование своим детям. Передвигались примитивным способом – на телегах. Естественно было много приключений, тем более что дороги-то деревенские, в дождь или завязли, или поплыли. Не раз переворачивались возы, спускаясь с хребта. Особенно веселило, когда из курятников вываливались куры, гуси, цыплята, разбегались по кустарникам, а мы, детвора, часами их ловили. Были и опасные случаи: как-то переплывая на пароме через реку, около берега перевернулись вместе с лошадьми, быками и телегами. Хорошо, что брат Павел был сильным, меня выбросил из реки на берег, а то бы вряд ли писалась эта повесть! Вновь приезжих русских скитальцев соотечественники города Якеши приняли тепло, помогли снять большой дом, половину его для семьи, а другую часть для завода. Старшие сестра и братья пошли учиться в школу, отцу начали поступать заказы, а я был еще трехлетним, так что был дома с матерью. Вскоре появился на белый свет еще один брат Минька, как мы его все называли. Жизнь постепенно входила в нормальное житейское русло, хотя политический накал в Китае усиливался, часто происходили аресты, расстрелы чайканшинцев. Однажды Павел

шел из школы и увидел толпу народа, подошел и стал свидетелем публичного расстрела китайца. Его убили из револьвера выстрелом в затылок. Бедный братец пришел домой бледный как снег и несколько дней не мог ни спать, ни есть. Через некоторое время начались давления и на русских, многие вынуждены были уезжать, кто куда мог. Отцу запретили иметь завод. А это значило, что семье нечего есть. Умер дед Симеон. Пришлось опять запрягаться и ехать, куда глаза глядят. Проезжая поселок Тыныхэ, где проживало русское казачество-крестьянство, выяснили, что там был большой спрос на зимнюю одежду: шубы, дохи, рукавицы и шапки. Решили родители задержаться и испытать счастье!

В поселке было атаманское правление, отец сразу пошел к атаману Кокухину, с просьбой помочь основать многодетной семье. Андриан Иванович человеком был добрым, сам поскитался немало. Он любезно согласился помочь материально и, что не менее важно, морально. Так началась наша жизнь в новом месте с новыми трудностями. В Тыныхэ среди русских поселенцев проживало много монголов, бурят, китайцев. Им всем очень хорошо жилось с русскими, все учились в русских школах, казаки учили их, как любить землю, как обрабатывать ее, чтобы получать хорошие урожаи. Мне в то время уже было пять лет, и я уговаривал, упрашивал родителей, чтобы меня отпустили в школу. Добрые родители с моим страстным желанием к науке согласились, и шести лет я гордо пошел в первый класс.

Учителя были свои – сестра Наталия и брат Павел, так что приходилось их величать Васильевичами. А они всегда мне ставили заниженную отметку, если отвечу на пять – ставили четыре, что меня очень удивляло и злило. Когда возвращались домой, я протестовал и требовал объяснений, и, конечно, дома я их уже не величал! Они мне доказывали, что занижают отметки ради справедливости, чтобы другие не подумали, что мол своя рубашка ближе к телу, что своему ставят хорошие отметки. Только через несколько лет я свое самолюбие успокоил и больше не обижался. В первом же классе я сразу влюбился в двух сестер Куликовых – Лиду и Лилю, которые были хорошенькие как куклы и покорили не только меня, но и весь мужской пол первого класса. Дошло до того, что мы с Петром Малышевым из-за них вышли на поединок в рукопашную, били друг друга до крови из носа, приходилось умирать нас учителю, брату Павлу Васильевичу. Он брал нас, как петухов, за шкуру и швырял в разные стороны, а мы, как свирепые донжуаны, снова слетались! А наши красавицы даже не знали, что из-за них бьются чуть ли не на смерть. Время на новом месте было благоприятное для нашей семьи, да и для всех жителей Тыныхэ! Шубный завод отца и матери имел много заказов, так что материально мы были обеспечены! А верой, надеждой и любовью мы всегда были сильны! Даже в страшно трудные времена семейная спайка спасала! Появилась и домашние животные: коровы, кони и овцы. Я очень любил маленьких

животных, мог часами наблюдать в щель забора, как рождаются и делают первые шаги телята, жеребята, ягнята. Был очень интересный случай – у соседей Бронниковых коза родила тройню и двух из них приняла, а третьего нет, отталкивает, не кормит. За этой странной картиной я в щелку деревянного забора наблюдал, затаив дыханье, так внимательно, что даже не ощущал занозы на носу. Мне до слез стало жалко малютку-козленка, я решил идти к хозяину и сообщить ему об этом. Захожу в дом, меня гостеприимные соседи приглашают к столу по русскому обычаю, но я так переживал, что мне было не до угощений, сразу взволнованно начал рассказывать об увиденном. Хозяин слушал, слушал и как засмеётся, предсказав, что из меня получится хороший хозяин! Потом предлагает – если тебе его так жалко, то возьми себе и выращивай! От такого ответа я опешил, было удивительно и радостно, громко поблагодарил и побежал во двор за козленком! Не успел взять его на руки, как он начал сосать мой палец. Бедняжка был такой голодный! А время было зимнее, холодное. Я был одет в шубку, сшитую из одной овчины, из-за чего надо мной ребяташки часто подсмеивались, вроде того, какой ты мужик, носишь шубу из одной овчины. Поначалу я не хотел надевать её, но суровый климат заставил. Положил козленка за пазуху и понес домой. Знал, что родители добрые, но не был уверен, что они примут меня с козленком. Захожу в дом и не раздеваюсь, сел и молчу, мама спрашивает, «что с тобой, Саня?», так она меня всегда

называла, я отвечаю, что ничего, мамуля, и продолжаю сидеть, вдруг мое усыновленное существо забекало, после чего я стал уговаривать матушку не гневаться. Когда она узнала, о чем идет речь, рассмеялась и сказала «молодец, расти»! Так началась жизнь козленка в нашем доме!

Единогласно дали ему имя Чика! Для нас, мальчуганов, козленок был забавой, мы нянчились с ним, как с ребенком. Я сделал ему маленький дворик из стульев, постелил травки, сена... Рос он у нас не по дням, а по часам! Кормили его всем тем, что и сами ели, но главное, конечно, молоком. А когда прорезались рожки, то мы его научили бодаться – то один, то другой из братьев становились на четвереньки, а он разбегался и прямо в мягкое место. Вскоре стал даже сбивать нас, а это для нас было еще потешнее! Так как ему разрешалось все, то он начал проказничать, то компот перевернет на кухне, то головой с длиной бородой залезет в мешок муки и станет похож на черта, а нам еще смешнее. Наступила весна! Все оживает! Появилась свежая травка, и наш Чика стал игриво гулять по двору! И вот в один солнечный день мимо нашего дома проходила калека старуха-китаюха, у нее что-то было не в порядке со спиной, когда шла, горбилась, а наш Чика-удалец это подметил и вообразил, что она с ним играет. Перескочил через высокий забор и ударил с разбега бедную старушку так, что она перевернулась несколько раз и начала дико кричать. Сбежались сотни китайцев, все бранятся, вопят на всю деревню. А Чика, как ни в чем не бывало,

разгуливает на лужайке, да еще иногда подпрыгивает и побеживает! А разъяренная толпа китайцев продолжает шуметь. До смерти испуганную старуху увезли в больницу, проверили и, слава Богу, не нашли ничего переломанного, что было облегчением для наших родителей. Ведь если бы старушка умерла, то отца могли бы посадить в тюрьму. Но поступила жалоба в атаманское правление, и атаман Кокухин попросил отца ликвидировать нашего Чику. Это было для всех нас трагедией, уж чересчур мы его любили. Он так нас веселил! Так окончился своеобразный период развлечений шахматовской детворы. После этого я стал разводиться цыплят, каждый год выводил сотни цыплят, а затем и уток, гусей – словом, прославился на все село, а лет-то мне было всего лишь семь! В школе я учился хорошо, уже во втором классе читал басни Крылова и сидел часами около глобуса, рассматривая и изучая Вселенную. С детства мечтал побывать везде!

А какие свадьбы справляли в селе! Это ведь своего рода искусство – деревенская свадьба, да еще и русская! Сначала молодые люди присматриваются друг к другу. Затем родители замечают, что-то есть у их детей – увлечение, любовь – пора стать женихом и невестой! Объявляется сваха и идет в дом родителей девицы. Такое сватовство обычно всегда успешно! Затем свадьба, пир на всю деревню! Гуляют несколько недель! Меня, как музыкального мальчика, особенно развлекало, когда новобрачные после венчания мчатся на тройке в дом родителей, получить родительское благо-

словление, а затем гармонисты, выводя русские мелодии, заполняют звуками всю станицу! Имея любовь к пению и музыке, я внимательно наблюдал за музыкальным оформлением деревенской свадьбы. Например, жениха сажают в корыто, из которого кормят животных, привязывают его к телеге или саням, запряженным быком, жениху, если он музыкант, дают в руки гармонь и тащат его в корыте по всей деревне, а он играет и поет. Картина неопишуемая, потрясающая! Жизнь деревенская простая, но характерная. А что творилось во время святок! Молодые и старые наряжались в разные невероятные одежды и в масках разгуливали по улицам, заходя в дома. Ночью взрослые пакостили: то прятали колеса от телег, то сани заталкивали на баню...

Когда приходило лето, я рвался на покос, со слезами упрашивая отца отдать меня кому-нибудь в волокушники, подвозить сено к стогам, чтобы физически здоровые ребята могли его метать, т.е. укладывать сено в стога. Вначале родители не хотели меня отпускать, говорили, что я еще маленький, но в конце концов соглашались и я, довольный, ехал на покос! Но к моей досаде, в основном, моей обязанностью было утром рано сходить за лошадьми, приготовить их к рабочему дню, затем готовить для всех чай, завтрак, а вечером ужин, так что охота быстро проходила, и я через несколько недель уезжал домой.

В нашем доме часто звучало пение, так как родители имели прекрасные голоса: матушка – сопрано, а батюшка – те-

нор. Иногда так увлекались пением и пели так хорошо, что даже не замечали, как собирались люди около окон и внимательно слушали! С тех пор и зародилась у меня любовь к пению!

В деревне Тыныхэ было много интересных уникальных людей. Ярво врезалась в мою память Апполиария Ивановна Баженова, которая в 1929 году пережила ужаснейшее время. С территории Советского Союза пришла банда под командованием Моисея Жуча и расстреляла невинных трудолюбивых казаков. У всеми уважаемой бабушки Апполиарии было расстреляно шестнадцать прямых родственников, включая мужа, дядей и племянников, и она одна вытаскивала тела своих родных из-под трупов, обмывала и хоронила в общей семейной казачьей могиле. Далеко от родных казачьих земель на чужбине, в Маньчжурских краях, на месте, где свершилось сатанинское убийство, по сей день ничего не растет, стоит лишь одинокий памятник честным и преданным сынам-казакам России! Бабушка Апполиария всегда и со всеми была добрая, кроткая, одна воспитывала сирот-детей и умерла она далеко от родной земли, в Австралии, на 95-м году от рождения. Царство Небесное, добрая Апполиария Ивановна!

Был замечательный старый казак Платон со своим верным конем. Вместе прошли все в жизни, от 1914 года во Франции до японского захвата Маньчжурии. Когда доблестный казак предстал пред Всевышним и привезли на телеге гроб

к могиле на русское кладбище, то старый конь положил голову на гроб и из глаз его текли слезы. Каждый день прибегал на могилку, а потом уже кое-как приходил на место упокоения верного хозяина-казака, через некоторое время так и скончался на могиле. Есть ли такие преданные люди? Думаю, что сейчас нет. Бывали и чудаки, самородки, разного характера и типа, так как люд был не оторван от матери природы и жил в гармонии с ней. Около нас жила семья Савиных, так вот хозяин Арсений был уникальной личностью. Во-первых, маленького роста, а, как известно, такие люди обычно скандалисты, любят поспорить, подраться. Однажды деревенские мужики немножко выпили и начали спорить, а Арсений кричал громче и больше всех. Через некоторое время видим, маленький мужичок, как пуля, несется к себе домой, а за ним здоровый мужчина с кулаками. Наш соседка забегает в дом и кричит жене: «спрячь меня скорей, а то я могу подраться»! Милая жена была в два раза больше, чем Арсений Иванович, так что спокойно спасла его от сердитого до предела мужика. Бывало и так: когда сосед выпьет и начнет скандалить, то Маруся берет его под мышку и уносит домой, назавтра мужики смеются над ним, мол какой ты мужик, когда тебя баба под мышкой унесла. После таких насмешек он ещё больше выходил из себя, ставил стул, забирался на него и кричал: «Маруся, подходи, я тебе сейчас задам»!

Директором русской школы был русский умный человек,

Яков Максимович Караулов, с суворовской дисциплиной. Все ученики его любили и уважали. Зимой он ходил без головного убора, а температура доходила до 45 градусов ниже нуля. Был забавный горбатенький учитель по математике – Виктор Опульский, который очень любил танцевать, приходил на вечера с тапочками под мышкою и, танцуя, подпрыгивал, как кенгуру. Поскольку в каждой школе бывают ученики-разбойники, то от них особенно доставалось нашим учителям.

Так как у нас было сельское хозяйство, а вокруг дикие степи и леса, где водилось много волков, то мы держали во дворе собак-дворняжек: маленького и хитрого Пирата и большого волкодава Тарзана. Мы, дети, любили с собаками играть, и они с нами тоже охотно развлекались, позволяли себя запрягать в тележку или санки. На редкость умные и ласковые животные. К сожалению, Пират состарился и ушел из дома куда-то сдыхать. Так и не узнали, где он скончался. А на Тарзана напали волки, он хотя и отбился, но ранения были смертельные, через несколько дней его тоже не стало. Тем временем мне уже стукнуло восемь лет, и моим увлечением было после школы заходить к отцу на шубный завод, брало любопытство к труду. В то время я был говорун, все рассказывал, обо всем спрашивал и всегда заканчивал фразой: «Папенька, я тебе сегодня наговорил, столько наговорил!» В 1954 году многие русские стали уезжать в советскую Россию. Деревня начала пустеть, оставались соба-

ки, которые скулили, выли, скучали: коровы, лошади тоже кричали, мычали – картина была ужасная. Тех, кто остался, вскоре раскулачили. Пришлось закрыть завод. Жить в Тыныхэ стало невозможно. Опять кочевать. Куда? «Да куда глаза глядят, отвечали старики, нам не привыкать». Нагрузились, помолились и поехали на станцию Джаромтэ к великой китайской железной дороге, построенной русскими при царской России, принадлежащей Российскому государству. Но, увы, революция, новая власть потеряли и это русское богатство. В Джаромтэ была небольшая русская община, с православным храмом и начальной школой. На новом месте построили фанзу-хату из дерна и начали уже в четвертый раз жить с нуля. Продолжить свое кожевенное дело отец не мог, да и не разрешили бы. Сестра стала преподавать в школе, а старшие братья начали заниматься сельским хозяйством, брать подряды – косить сено, распахивать целину для посева хлеба, капусты, картошки... Благодаря трудолюбию и любви к жизни опять встали на ноги! Недалеко протекала чистая и быстрая река Аргунь, по берегам росло разное: черемуха, ива, мелкие кустарники с ягодой, а в реке водилась много рыбы! Брат Павел был азартным рыбаком и часто с Иваном Кутуковым на лодках, с фонарем и острогой, уплывал на всю ночь. Нашей обязанностью с Геркой Кутуковым было увозить их на лошадях и телегах за несколько верст выше по реке, чтобы они могли плыть по течению и ловить рыбу, а нам наказывали встречать их утром в назначенном ме-

сте, несколько километров ниже. Лет-то нам было с Геркой по десять. И вот мы однажды, чтобы не было скучно, взяли с собой младших братьев. Удобно расположились на крутом берегу между рекой и горой со скалами. Обтянули брезентом телегу и улеглись ожидать! Где-то к вечеру пошел мелкий дождик, но нам не страшно – мы под телегой, там не мочит! Потом началась гроза и полило как из ведра, тут еще комары одолели, и начало подмачивать снизу, сначала всё казалось потешным, смеялись до боли в животе. Постепенно у наших малышей глаза уже повылазили на лоб от страха, да и мы уж не такие герои, тоже испугались. Братишки уже заплакали, я сообразил, что надо уходить, быстро вспомнили все молитвы и стали молиться. Один за другим пошли в гору, чтоб перевалить через хребет, а там уже село близко. Только забрались наверх, как дождь перестал и появилась радуга, затем солнце. Решили вернуться. Пришлось перекатить телегу на другое место, но, к нашей беде, теплая одежда, приготовленная для рыбаков была мокрая, а это значит, что нам достанется от усталых и замерзших рыбаков. Так и произошло, приплыли рано утром холодные, голодные и мокрые. Павел и Иван увидели, в каком состоянии находится все, начали нас бранить на чем свет стоит. Спасло нас, что они поймали много рыбы и настроение было у них хорошее. Или другой случай – опять мы с Геркой отвезли рыбаков, а сами решили под вечер вернуться в село на вечеринку-игранчик, как называла её молодежь. Это когда вечерами сходились девча-

та и ребята на лужайке и веселились. А так как мы с Германом были главные музыканты – баянисты, то без нас было бы скучно. Сели верхом на лошадок и помчались к селу. Вдруг недалеко видим стаю волков, лошади тоже их почуяли, подняли уши и заволновались. Наши сердца уже где-то в пятках, ведь мы попали на волчью свадьбу, когда они злые и голодные, а тут две лошади да два молодец! Говорю Герману, один выход – удирать. Перекрестились и пустили лошадей во всю прыть, часть волков бросилась за нами, но наши кони были скаковые, да и от испуга так несли нас, что пуля вряд ли бы нас догнала! Примчались и с ходу на вечеринку, бедные кони все в пене, кое-как отдышались. Девчата встретили нас радостно, ведь музыкант в деревне это все. Поговорили, поиграли, поухаживали до утра и сразу на лошадей и к месту назначения.

Было приятным развлечением ездить за грибами и орехами. Собирались все девочки и мальчики и ехали в леса и на поля. Главным для нас был не столько сбор грибов и ягод, сколько возможность поухаживать и в любви объясниться. В один летний вечерок во время игранчика меня чуть не убил Сидор Василенко, человек очень развитый физически, но умом был младенцем. Видимо, решил напугать нас и из-за ограды двора бросил кирпич в нашу сторону. Слава Богу, что кирпич притормозил о ветку тополя и только после ударил меня в затылок. От удара я упал лицом на землю и на мгновенье потерял сознание, затем вскочил и бежать,

чтобы не получить второго кирпича! Подхожу к дому, в глазах мелькают звездочки, в голове гудит, посидел на завалинке и тихо зашел в дом, чтобы никого не разбудить. Лег в постель, но спать не мог, и хорошо, что не мог, так как после таких ударов, как я позднее узнал, спать нельзя. Утром, ничего не сказав родителям, сразу пошел к Груне Овчинниковой – она правила головы после сотрясений. Она быстро смерила голову и, обнаружив сдвиг верхней части черепа, начала давить и трясти голову, затем перетянула её тряпкой, уложила меня на кровать минут на двадцать. Потом опять смерила, оказалось еще не на месте, снова начала мять и еще сильнее перетянула повязкой голову – и опять в постель. Чувствую, что мне становится легче, я даже задремал, но она не дала спать, еще раз смерила и сказала, что все, голова на месте.

Почему-то у нас с Германом было больше всех приключений, одно за другим и одно другого веселее, глупее. Однажды идем по улице, энергии особенно много у Германа, и он все норовит кого-то толкнуть. И вот ему пришло в голову дернуть китайнку за длинную косу, подбежал и слегка дернул. Она его хотела поймать, но он рукой отмахнулся и ударил ее по животу, а она оказалась беременной, захала и заахала. Мой дружище быстро удирать. Сбежались китайцы, все кричат, я решил тоже тихонько смыться. Пришел домой, а любопытство раздирает, чем все закончилось, и где Герман, решил пойти обратно в разведку, но как только сравнялся с милицейским участком, меня сразу схватили

милиционеры и потащили в здание. Посадили меня в темную комнату и начали на меня кричать и запугивать, но так как я не был виновен, то вел себя спокойно, а это их еще больше бесило. Через некоторое время приходит та самая, пострадавшая от Геркиного кулака китайка, увидела меня и говорит, что это не он, тогда милиционеры решили меня пытаться, чтобы я выдал Германа. Стали размахивать пистолетом перед лицом и приговаривать, что если не скажу, бросят меня в каталажку, тушили свет, оставляли меня в темноте, но я сказал себе, что не выдам друга, этого нет в нашем роду. Промучившись со мной, но так ничего и не добившись, выругали по-китайски и вышвырнули меня за ворота. Я понял, что надо как-то сообщить обо всем Герману. Обошел кругом и огородами, добрался до дома Кутуковых и вижу, что сидит мой Герман на крыше и посвистывает! Я ему кричу, чтоб слезал скорее и убегал. Тогда он спрыгнул, сел на велосипед и покатил к реке Аргуни, а назавтра уехал поездом в город Хайлар. Повезло, что с китайкой ничего не случилось и она родила ребенка!

По всем русским поселениям ходило много странников: военных, которые сбежали из советской армии, одиночек, полукровцев, несчастных... Самая знаменитая была Кундашиха, монголка, которая выросла среди русских и была крещеная, по имени Елизавета. Бывало, напьется до отказа, сядет на коня и начинает гонять всех, кто попадает по пути. Часто приходила к нам в гости, папа ее всегда предупре-

ждал, что в доме у нас курить нельзя, но выпивать немножко позволялось. Она как выпьет, так и начинает сквернословить. Отец ее спрашивает, почему она ругается на русском, а не на родном монгольском, на что она отвечала, что наш бог по-русски не понимает. Из-за такого скверного поведения отец ее часто просил покинуть дом, а она выйдет на улицу и начинает кричать: «старовера чем любить, лучше по миру ходить». Словом, веселая была Елизавета Петровна! Был один очень талантливый странник, все его звали Пушкиным не потому, что он был курчавым, а потому что писал прекрасные стихи. Но закончил он свою жизнь трагично: шел зимой из одной деревни в другую, сел около стога сена отдохнуть и заснул вечным сном. К сожалению, никто не знал даже его имени. Царство Небесное тебе, еще один русский странник! Ходил простяга Проня, представлялся дурачком. Наш дом был на краю деревни, так что все странники сначала заходили к нам. Просили дать работу, помыться и поесть. Проня особенно любил мамины пирожки, много съедал и еще брал в дорогу и называл нас не Шахматовыми, а Пирожковыми. Так и ходили русские странники по поселениям. Это еще одно доказательство, как жестоко обошлась с русскими кровавая революция. Ведь были же революции во многих странах, но ни одна нация так жестоко не пострадала, как русская. Видимо, накопилось много грехов, ошибок...

Жизнь на станции Джаромтэ вошла вновь в колею, уже

в четвертый раз встали на ноги. Я с Павлом уехал в город Хайлар, где была средняя русская школа. Там были замечательные учителя Наталья Александровна Плюснина, Федор Николаевич Куликов, Ирина Ильинична Овчинникова и Валентина Александровна Брусенцева. Из деревни попасть в город всегда любопытно. Первое время я так увлекся, что даже не выполнял уроки и получал двойку за двойкой. А так как брат Павел был учителем, то его коллеги стали спрашивать, что с братишкой, почему ничего не учит. После серьезного разговора с Павлом я начал заниматься и в первую четверть все сдал на четверки, но продолжал влюбляться то в Дусю, то в Мусю. На каникулы ездил домой поездом. В летние жаркие деньки ходили купаться на Аргунь, вода была чистая, река быстрая и опасная, каждый из нас по разу тонул. А кто и больше. Развлечением ребят было, когда девчата купались от нас тайком, раздевались в кустах и прыгали в воду, то мы, орлы, подползали и прятали одежду. Сколько после было визга, крика, а нам потешно. Я в то время уже хорошо на слух играл на баяне, но своего инструмента не было, и какая была радость, когда отец привез из Харбина баян! В Хайларе жили в общежитии-интернате, большинство девчат и ребят было из Трехречья, каждый говорил на свой лад, по-своему выговаривая слова. Но жили все дружно и интересно – ребята в большой комнате, а девчата в маленькой. Возраст был такой, что иногда хотелось поухаживать, но стены тонкие, на каждое движение, шорох все поднимали голо-

вы. Но были и такие, что умудрялись по ночам ухаживать, ползали по полу на свидание. Утром, конечно, все уже знали, кто донжуанил ночью. Делали это здоровые ребята, так что если кто замечал, то молчал, ведь легко можно получить подзатыльник! С нами учился и жил китайчонок Коля, добрый и очень способный малый. Ему было нелегко выговаривать русские гласные и согласные звуки, что, естественно, вызывало у многих смех, но благодаря трудолюбию и желанию выучить русский язык, он окончил школу отличником. Брат Павел был учителем математики и физкультуры, и все его уважали особенно как преподавателя гимнастики. Он был прост со всеми, уделял каждому много внимания, не подразделяя, кто лучше и сильнее, кто слабее и хуже, для него все были равны, что и было главной причиной, что его все ценили и слушались. Даже на наши шалости он реагировал правильно. Например, когда он оставлял после занятий отстающих по программе учеников, а мы подпирали дверь партами и стульями и держали их до позднего вечера. Логично после этого сделать нам всем нагоняй, а он делал вид, что ничего не произошло, играл на нашей совести, и мы сами прекращали проказничать. Инспектором школы был Николай Васильевич Брусенцев, человек высокообразованный, всегда опрятно, со вкусом одетый, стройный, в нем чувствовалась авторитетность. Любил выпить и петь, хотя голоса и слуха не было дано природой, а мы еще ему в это время комплименты сыпем, а он и рад стараться! Мог и посканда-

лить, пустить кулаки в ход, если с ним в это время был брат Павел, русский медведь, знал, что тот выручит, защитит.

По городу Хайлар протекала река Умынь, с желтой водой из-за глины, зимой она замерзала, представляя детворе возможность кататься на коньках и санках. Самое потрясающее событие было, когда на Крещение прорубали прорубь и православные русские люди купались при температуре 45 градусов ниже нуля. Любил я ездить на поезде домой за продуктами, да и хотелось побыть с родными. От города Хайлара до станции Чжаромтэ было около семьдесят километров, природа красивая, так что можно было наслаждаться и мечтать!

Большая часть русских, в основном это были образованные люди – ученые, писатели, учителя, музыканты, инженеры, певцы, попала в город Харбин, где были школы, гимназии, институты, театры. Но первым долгом, конечно же, русские строили храмы и какие храмы! Было много духовных подвижников Православия, почему много китайцев и приняло православную веру. Ярким примером был случай, когда во время разлива реки Хинган один китаец начал тонуть и уже несколько раз уходил под воду, а когда вынырнул последний раз, то вспомнил образ Святого Николая Чудотворца и начал на ломаном русском языке просить: «русский старик, с бородой, помоги мне»! И дошли искренние слова до Святителя, откуда-то появилась большая ветка и китаец смог схватиться за нее и постепенно подплыть к берегу. По-

сле это сам китаец и его семья крестились, а затем и многие другие. Словом, город становился русским не только по архитектуре, построению, но и по духу, и высокой культурной жизни. Приезжал туда и великий Федор Иванович Шляпин. Прославленный купец Чурин много сделал для города, да и всего Китая. По сей день сохранился православный храм в когда-то русском городе, где служит батюшка-китаец. Много русских было и в городе Шанхае, где русские тоже себя проявили достойно. Там начал свою жизнь, как духовный подвижник, владыка Иоанн (Максимович) в то время, когда интернациональная революция прививалась на территории Китая, порождая беды, несчастья, голод и холод, детей сирот. Опять русские разбегались, уходили, куда только можно. Когда владыка был назначен возглавить епархию в США, то он сразу обратился к президенту и конгрессу с просьбой помочь ему спасти оставшихся на произвол судьбы детей в Шанхае, на что не поступило даже ответа. Тогда владыка решил день и ночь молиться на ступеньках американского конгресса в Вашингтоне до тех пор, пока не получит разрешение привезти детей из Шанхая. Зажигал свечи и на коленях читал молитвы пред образом Богородицы, уходя так глубоко в молитву, что не замечал толпы вокруг себя. И действительно, через некоторое время президент приказал вывезти детей как можно скорее. Владыку все уже знали и любили. Он, когда садился в самолет, то первым долгом заходил в кабину и благословлял пилотов. Он же, не боясь

множества несущихся автомобилей, в Марселе (Франция), на месте, где был убит сербский царь Александр, служил панихиду. И когда он скончался, то власти города Сан-Франциско разрешили, нарушая закон, гроб оставить в часовне под собором. И с первых же дней к гробу стали прибывать верующие разных наций и религий, просили усопшего помочь им в их бедах и слабостях. Неудивительно, почему Православная Русская Церковь причислила его к лику святых. В Сан-Франциско жил и великий русский боксер тяжелого веса Андрей Шиляев, которого убили в США из-за того, что он был непобедим и бился от русского имени, не хотел продавать себя американцам и быть чемпионом чужой страны. В перчатку боксера – его противника был вложен кусок железа, несмотря на бесовский поступок, Андрюша побил противника, но когда вернулся домой и принял душ, то потерял сознание и скорпостижно умер. Многие русские офицеры обучали китайскую армию. Словом, русские везде себя проявляли достойно, всем всегда помогали умами и талантами. Тем временем в Китае назревала культурная революция, и всем русским стало опасно оставаться в Китае. Опять все обнищали, нечего было есть и надевать. Мы, ребята, ходили на поля и собирали колосья на пашнях и затем по очереди запрягались и мололи зерно, крутили жернова и дробили. И свершилось чудо, которое спасло нас от смерти. В Сибири выпал сильный снег, и дикие козы не могли добывать себе пищу. Они тысячами ходили в поисках еды по Манчжу-

рии. Голодные и напуганные волками, забегали в поселения, в ограды, даже в открытые двери домов. Вот так мы, наловив руками коз, и выжили. Китайцы тоже нас жалели и помогали нам, как могли. Рискуя своей жизнью, перебрасывали незаметно продукты через забор. Они же купили нам билеты на поезд, посадили и со слезами проводили. И помчал нас паровоз – одних из последних русских, покидающих китайскую землю. Русские не только старались создавать себе благополучную жизнь, где бы они ни проживали, но и обогащали те места, края. Научили китайцев сельскому хозяйству: как сеять, косить, пахать, понять и полюбить землю и что на ней можно делать на благо человека и не в ущерб природе. Среди русских жили разные нации: китайцы, монголы, корейцы, буряты... – все учились в русских школах и считали себя русскими. Вот что значит духовная сила! Напрасно властители двадцатого века надеялись, что им удастся физически без духовности, сохранить и подчинить человечество!

Австралия

На теплый пятый материк прибыли мы в 1963 году перед Рождеством Христовым в самый разгар австралийского лета, температура была 45 градусов жары. Встретили нас знакомые и думали, что увезут нас к себе, но не тут-то было, нужно было сначала пройти карантин. Начальство посадило нас на поезд и отправило в лагерь штата Виктория, в местечко под названием Банигила. Ехали часов четырнадцать. Первое впечатление было туманное: во-первых, угнетала жара, во-вторых, если долго смотреть в окна на австралийскую природу, то одолевала скука: все казалось желто-серым, однообразным. Да и люди вокруг разговаривали на каком-то странном английском языке, не на том, который нам в Хайларе преподавала Милая Антонина Иокинфовна Черных. Ну вот, наконец-то подкатил нас поезд к месту назначения! Опять начальство, официальная процедура, всех пересчитали, вежливо пригласили занять места в автобусе и опять в путь. Выехали на гладкую дорогу, по сторонам было насажено много фруктовых деревьев: яблоней, вишен, груш и апельсинов. Везде зелень, чувствовалась жизнь, и на душе стало легче! Через час уже въехали в поселение с большими, типа казарм, зданиями. Быстро прошли медицинскую проверку, нам сделали прививку и устроили в общежития – женщин в одно, а мужчин в другое. Народу было много, звучали разные язы-

ки и больше всего было молодых ребят из Югославии, которые не хотели служить в армии Тито, убежали в разные страны. После резкой перемены климата и быта почти что все заболели, а я больше всех, даже слег в постель. В лагере было много разных культурных развлечений – спортивных и музыкальных. Кто мог, изучал в классах английский язык, словом, скучать было некогда. Питались все в общей столовой, и пища была свежая, много фруктов, так что мы быстро стали вырастать из одежды, которой нас снабдили еще в Гонконге. Вечером устраивали вечеринки с танцами и под оркестр танцевали все, от мала до велика. Лишь только я не мог – потому, что лежал в постели с температурой. Когда мы еще только приехали и сошли с автобуса, то меня подметила пятнадцатилетняя девчонка Рита, из немецкой семьи, и когда узнала, что я болен, стала ухаживать за мной – приносила фрукты, сок и гладила по голове, жалела. А я выходил из себя – был еще мал и не понимал нежного увлечения девиц, да и ребята подростки, наблюдая за этой картиной, подсмеивались. Приходилось звать мать, чтобы она уговорила Риту уйти, но языка общего-то не было, поэтому они не понимали друг друга. Рита думала, что мама ее благодарит и еще больше старалась за мной ухаживать. Хорошо, что я скоро поправился и уже мог ходить, так что отбивался от Риты сам так, что доходило до поцелуев. Ничего не поделаешь – юность, и даже не нужен язык для общения. Постепенно все акклиматизировались, были жизнерадостные, и погода стала

ласковее, не было больше такой невыносимой жары. Завязалась дружба, особенно тесная с нашими братьями славянами из Югославии. Играли в футбол, кидали ядра, купались в бассейне, резвились и веселились, как дети! Тем временем наши добрые знакомые в Сиднее уже приготовили нам квартиру, и срок карантина подходил к концу. Начальство нас предупредило, что нам скоро будет разрешено оставить лагерь. Но мы, молодежь, так уже свыклась, что не хотелось расставаться и когда наступило время прощания, то все плакали, как родные. И обещали друг с другом поддерживать связь. Опять на поезд и покатали обратно в Сидней. И природа в окнах как-то уже по-другому смотрелась.

Доехали благополучно. Встретили нас дальние родственники и повезли к себе на обед, где уже собрались чуть ли не все трехреченцы! Разговоры, слезы, а кто уже выпил и запел! Так и начали новую жизнь на чужбине. Я первый устроился работать на металлургическую фабрику, затем сестра и братья. Ничего не боялись и не разбирались, какая работа, сколько платят за труд, главное, чтобы работать и обустроить жизнь. Родителям все в голос сказали, что они больше никогда не будут работать. Хватит, поработали – прошли огонь и воду, отказывали себе во всем, только, чтобы дети были сыты, здоровы и учились! Сразу же сняли большой дом и начали постепенно входить в русло австралийской жизни. На пятом материке в то время уже было очень много русских, и большинство из них из Китая, так что можно

было продолжать наши русские традиции – ходить в храмы, в Культурный центр на концерты, балы, постановки, не отрываться от родной привычной духовно-культурной жизни. К новоприезжим австралийцы относились холодновато, особенно молодое поколение, так называемые боджары, даже нападали в улицах и избивали. Все это заставило нас, русскую молодежь, объединиться и противостоять унижениям и нападкам. Доходило до больших и кровавых схваток – сходились в парках стенка на стенку, среди нас были сильные ребята – боксеры, так что сражались традиционно по-суворовски, до победы! Вскоре появились государственные законы в защиту новопоселенцев. Но все равно было скучновато, так называемая австралийская культура нам ни о чем не говорила, была чужда, да и в основной массе оказался очень ограничен уровень знаний и интересов. Тогда мы решили создать орган русской молодежи, а в то время нас было около 600 человек. Зародились разные творческие группы: хор, танцевальный ансамбль, оркестр народных инструментов, драматический театр, спортивные команды – одним словом, зажили по-русски! Было много здоровой и талантливой молодежи. Мне уже стукнуло тогда 17 лет, а так как я выглядел старше своих лет и от природы имел дар организатора-руководителя, то меня уговорили стать председателем объединения. Конечно, было нелегко, так как по вечерам я ходил в колледж. Но молодость, любовь к жизни и труду на благо родной молодежи давали силы и все успевали

делать! Между тем у меня появился голос – бас и я начал солировать в Казачьем хоре под руководством Саввы Антоновича Камаралли – бывшего солиста знаменитого Жаровского хора донских казаков. Хор донских казаков был основан Жаровым в Турции, где была расположена армия Врангеля. Прославляли донские казаки русские и казачьи песни по всей вселенной более 60 лет. А ввиду того, что среди нас было много забайкальских казаков, то мы и решили назвать наш хор казачьим. Уже по счету четвертый в русском рассеянии – первый был имени Платова, второй имени Каледина, третий Жаровский и четвертый наш. Дух казачьих и русских песен так захватил всех нас, что мы нашили казачьи формы, не пропускали репетиции и так хорошо запели, что нам поступило предложение на гастроли по европейским странам. Но так как многие были еще студентами, а солисты уже были женатыми, то пришлось ограничиться только Австралией, выступали по городам пятого материка. Успех был потрясающий! Представьте себе тридцать красивых, молодых людей в казачьей форме, да еще и лихих танцоров! Австралийцы чуть не носили нас на руках!

Я уже был солистом и запевал знаменитую балладу про Кудеяра. Главным желанием лично у меня было сохранить молодежь русскую вместе, чтобы все познакомились и затем между собой переженились, чтобы не было смешанных браков и продолжилась русская нация на чужбине в чистоте. Мои старшие братья один за другим женились, и сестра то-

же не засиделась, так что остались мы с Михаилом вдвоем с родителями и погрузились в учение, работу и общественную жизнь. А так как я по натуре романтик, то в то золотое время увлекся красавицей Аней Ерзиковой, хотя иногда разбегались глаза – было чересчур много красивых и талантливых русских девушек. Жизнь на чужбине заулыбалась. Через некоторое время я перешел на строительную работу, что я очень любил еще с детских лет. Однажды сижу и смотрю телевизор – показывали конкурс молодых талантов Австралии, и мне показалось, что я могу спеть не хуже. Решил написать письмо и предложить себя в следующую программу. Не прошло недели как я получаю ответ: «Приглашаем Вас принять участие», через некоторое время прислали билет на самолет, и я полетел в город Мельбурн, где происходили съемки и запись. Прилетаю, встречают меня милые люди, приглашают сесть в автомобиль. «Совсем как звезду,» – подумал я, но сам начал немножко волноваться, ведь первый раз да еще с симфоническим оркестром! Подъезжаем и заходим прямо к директору и дирижеру Хектару Кроффорду. Познакомились, и он меня спрашивает, что я буду петь. Я сразу отвечаю: «Эй, ухнем!» Он меня переспросил: «Что?» Я повторяю: «Эй, ухнем!». Он говорит: «как это ты, восемнадцатилетний мальчишка, хочешь петь самую трудную вещь для певцов». Я стоял на своем. Добрый дирижер пожал плечами и сказал: «хорошо». Ну вот пора репетировать, все собрались в студии. Хектар спрашивает: «готов?» Я говорю: «начнём, пожалуй»!

Звучит аккорд, и я тихо начинаю петь, постепенно усиливая звук, задерживаю некоторые фразы, чтоб показать голос, дирижер улыбается и не верит своим глазам – мальчишка поет богатырским голосом. Пропели без остановок, только в одном месте слегка разошлись. Хектар сразу спрашивает, где я учился. Я отвечаю, что нигде, природный голос. Это его совсем удивило, но он сказал, что все хорошо и завтра будем выступать в прямом эфире на всю Австралию! И выбирать, голосовать могли зрители всей страны. Утром встал, плотно позавтракал и поехал в студию. Одели меня в русскую рубашку-косоворотку, сделали соответствующую декорацию в русском духе – на лодке по реке. Загорается свет, все становятся по местам. Сигнал прямого эфира и начали. Пропел все не плохо. Дирижер пожал мне руку, и я ушел обратно в гостиницу. Вечером улетел домой в Сидней. Прихожу домой, а там уже ожидают все родные, друзья и соседи и поздравляют, а я не знаю за что. Оказалось за то время пока я летел и добирался до дома уже объявили результаты, и мне зрители, весь народ Австралии, присудили первое место. Конечно, я был удивлен, потому что я знал, что в одном месте допустил ошибку, но, видимо, голос вынес. И так я вмиг стал известным на всю страну. Слух дошел и до директора консерватории, и он меня пригласил с ним встретиться. Прихожу и попадаю в студию знаменитого профессора Льва Демонта. Нужно было что-нибудь спеть для директора Иосифа Поста. На английском языке профессор меня спра-

шивает, что я буду петь. Я ему отвечаю: «Чуют правду – арию Ивана Сусанина из оперы Жизнь за царя Глинки». Бедный профессор аж опешил: «Как так, вымолвил он, Сусанина? Да в Австралии никто этого не знает!» Но я настаивал на своем. Тогда профессор говорит: «Ну что ж, давай попробуем». Играет эти глубинные по духу аккорды, и я вступаю, тихо раздувая ноту ре. Милый профессор сделал серьезный вид и играл от всей души. Когда я закончил, то профессор сразу заговорил со мной на чистом литературном русском языке и со слезой промолвил, что последний раз слышал эту арию, когда пел сам Федор Иванович Шаляпин, и добавил, что он имел честь ему аккомпанировать в концерте. Такая весть для меня тоже была неожиданной, даже перехватило дыхание, ведь великий Шаляпин не только наш русский певец, но отец всех певцов мира! Раздался стук в дверь, и нас попросили подняться на сцену большого зала, где директор был готов слушать. Спел я арию Сусанина и директору. Он тоже с удивлением спросил меня, где я учился, и добавил, что мне уже нужно петь в оперном театре. Но когда ему рассказали, что я нигде не учился пению, этим меня наградила мать-природа, то он рассмеялся и сказал: «Да, такими могут быть только русские!» Сразу предложил мне стипендию на четыре года на полное занятие в оперную школу – пять дней в неделю, с утра до вечера. В программу оперного образования входило очень много – пение, драма, музыка, балет, грим, фехтование и языки, дикция. Так что дневную

строительную работу пришлось оставить, но я взял вечерние курсы на строителя. Тем временем наша молодежная организация, «спайка», как я называл ее, процветала, культурная жизнь была на высоком уровне! Хор пел хорошо и давал концерты по городам Австралии. Я уже солидно солировал вместе с замечательным тенором Виктором Бянкиным и басом Иваном Овчинниковым. Проводили раз в неделю русские вечера, балы, особенно торжественно отмечали традиционный студенческий «Татьянин бал». Как готовились наши красавицы-девицы! Специально шли бальные платья тайком друг от друга, чтобы не было одинаковых, ребята-кавалеры тоже приобретали шикарные костюмы. Грандиозный зал украшали в русском духе цветами, приглашали самый лучший оркестр города! Боже мой, какая царила атмосфера! Романтика, радость на лицах, искреннее, не захваченное дикой и злой сексуальной революцией чувство здоровых молодых людей! Забывалось, что мы живем на чужбине. Но, к сожалению, в Русском культурном центре, где в основном было уважаемое старшее поколение, русский дух постепенно слабел и нужна была смена. И глубокочтимый Михаил Николаевич Чуркин, он в то время был администратором центра и все его уважали, уже несколько раз обращался к молодежной организации с призывом объединиться. А так как я был председателем молодежной организации, то собрал все наше правление для обсуждения поступившего предложения. Некоторые не хотели, но я настаивал, что это необходимо –

мы, молодое поколение, обязаны с достоинством принять, продолжить и преумножить все, что наши доблестные предки создали. После бурных разговоров решили, что часть молодежи вольется в жизнь Русского центра. Но проблема была в том, что 80% из нас были несовершеннолетними, а быть членом центра по закону мог быть только совершеннолетний – 21 год. А мне самому было лишь 19 лет. Тогда председатель Русского центра Г.П.Хохлов и правление решили негласно нарушить закон и принять меня в члены центра. Для меня была нагрузка не по силам – консерватория, колледж, общественные дела, да еще ведь нужно же ухаживать!

В Русском центре я стал одним из директоров, и в течение года вся наша здоровая молодежь влилась в Русский культурный центр города Сиднея. Жизнь в центре закипела! Вскоре пришлось помещение расстраивать. Но орган молодежи не распался, он продолжал существовать, управление я передал моему самому близкому другу, Николаю Бородину, певцу и танцору. Хор наш казачий продолжал петь с большим успехом, поступило предложение подписать контракт с немецкой компанией на гастроли по Европе. Но, увы, возраст хористов был от 15-ти до 25-ти лет, младшие еще учились, а старшие были женаты и жены их не отпускали. Так мы и не поехали. И, к сожалению, молодой хор скоро распался. Я начал выступать как солист. Для меня было честью отмечать 100-летие со дня рождения неповторимого певца Федора Ивановича Шаляпина сольными концертами по го-

родам Австралии. Я впервые одел фрак. В оперной школе все шло хорошо, перед экзаменами начали ставить оперы, каждый должен был проявить себя в роли героя определенной оперы. Мне довелось петь роль доктора Барталло в опере «Свадьба Фигаро» Моцарта. Несмотря на то что я уже несколько лет на сцене, во время спектакля затряслись ноги – опера это не концерт и не хор. Загримировал себя так, что родная мать не могла узнать до тех пор, пока не запел. И хотя я весь взмок, как лягушка, но с ролью справился и даже сорвал аплодисменты! За год я уже изучил такие роли, как Колин, Алеко, Османо и пел на пяти языках. Решил опять принять участие в конкурсе молодых оперных певцов, вышел в финал и получил второе место. Но быть вторым для моей натуры тяжело, так что начал еще серьезнее заниматься, работать над собой. А профессор меня все уговаривал: «Не торопись, Саша, ведь тебе только двадцать лет». Тем временем мы с Аннушкой расстались друзьями, что после трех лет дружбы было нелегко, ведь привыкли друг к другу, но, видимо, нам было не суждено продолжать. Две сестры Куликовы уже больше не те куклы, из-за которых я выходил на поединок в далеком от нас Китае, они выросли в настоящих русских красавиц, и было трудно выбрать, за кем ухлестнуть. Вся молодежь быстро возмужала, начались свадьбы за свадьбой, и самым первым из нас женился мой верный дружок Коля Бородин. Какая была свадьба! Гуляли по-русски, со всеми традициями и обычаями. Свадебный пир

продолжался неделями! Молодожены уже уедут на медовый месяц, а торжество родства продолжается. Это было в диковинку австралийцам, они долго не могли понять, что происходит. Особенно их удивляло русское пение хором. Складно, и музыкально без репетиций. Приходилось им долго объяснять, что единственная нация – русская, которая может просто собраться и петь, при желании хоть с утра до вечера. Но не понимали, уходили милые австралийцы, пожимая плечами и разводя руками. Русские, как всюду, первым делом строили храмы, затем культурные центры, школы, старческие дома, лишь потом только свои дома, квартиры. Мои женатые братья создали строительную фирму, построили себе каждый на свой вкус дома и начали рожать уже третье поколение Шахматовых на чужбине. А мне пока еще было не до этого. Занятия в консерватории, колледже, начал давать сольные концерты и побеждать в конкурсах.

В Австралию попали русские не только из Китая, было много и из Европы – тех, кто во время Второй мировой войны оказался в плену у немцев. Прибыло много ученых: профессоров, инженеров, докторов, архитекторов, сельскохозяйственников и строителей. Все честно и умело трудились и никогда ни в чем не были зачернены перед законами, бытом Австралии. Их всегда охотно брали на службу. Духовная и культурная жизнь была на высоком уровне. Русскими талантами ставили оперы, спектакли. Было много талантливых творческих людей: Иван Корнилов – баритон, Ва-

дим Лаптев – баритон, Сергей Багильдин – тенор, Марина Луговая – альт, Вера Троицкая – сопрано, Михаил Троицкий – бас, Яков Рудюк – бас, дирижеры Анатолий Коробкой, Людмила Приклонская, танцоры Марийка Сергей, Виталий Патрин, Жорж Астор, поэты Павел Сухотин, Михаил Волин, Игорь Смолянинов. В то время австралийская национальная опера тоже процветала, были первоклассные певцы, режиссеры, дирижеры. Ставили русские оперы «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Война и мир», «Хованщина». Симфоническим оркестром руководил замечательный русский дирижер Николай Андреевич Малько, во время сезона звучали произведения Рахманинова, Чайковского, Бородина, Скрябина, Стравинского. Королевский балет Австралии тоже в основном имел русский репертуар: – «Лебединое озеро», «Петрушка» и «Спартак». Баловали Австралию и заезжие знаменитости. Какая была радость, когда приехал хор Донских казаков под руководством Сергея Жарова! Билеты на весь месяц были распроданы, стадион, где помещалось 50 тысяч, заполнялся до отказа. А главное, как они пели! Почти что каждый номер публика просила повторять. Приезжал и знаменитый тенор Николай Гедда. Так что для русской души было утешение на чужбине.

Однажды, мы с братьями решили поехать к океану покупаться и позагорать! Приглянулся нам один пляж с названием Жемчужный, остановились. Это было действительно волшебное местечко: красиво, чисто, мало народа. Как-то

неожиданно пришла идея приобрести здесь домик. Пошли побродить вокруг и посмотреть. И как по заказу, в это время выставлялся дом на продажу, только-только прибывали вывеску. Мы сразу заинтересовались, кто хозяин и сколько стоит. Хозяином оказался адвокат, которому не повезло, а может и повезло, от него ушла жена и ему нужны были деньги, и он срочно хотел продать дом. Мы, братья, переглянулись и в голос сказали «берём»! Но так как мы ничего без согласия и благословения родителей не делали, то дали небольшую сумму в залог, а сами поехали домой в Сидней посоветоваться с родителями. Назавтра всей семьей вернулись на Жемчужный пляж, получили одобрение родителей, особенно это место понравилось маме. Старшие братья уже обзавелись детьми, построили по своим вкусам дома, так что свободных денег у них не было, а младший брат еще учился, так что пришлось мне отдуваться, выложить все, что я накопил в банке. Вот так мы и купили для семьи чудесную дачу! С тех пор ее уже расстроили в целую усадьбу. И составили завещание так, чтобы потомки никогда её не продавали – это в память родителей наших любимых. Пусть будет вечно «Шахматово гнездо» у мачехи Австралии. Между тем, мои занятия и карьера напрягали меня до предела, и я вынужден был отказаться от общественных обязанностей.

Подходило время к завершению оперной школы. Приходилось уже изучать и исполнять сложные оперные партии. И, конечно же, с приключениями. Дело было так: я пел партию

священника Раймондо в опере «Лючия ди Ламмермур» Доницетти и почему-то как никогда волновался, в знаменитом месте акта, где брат заставляет Лючию подписать контракт о том, что она выходит замуж добровольно. Несчастливая Лючия в белом платье с длинной фатой выходит из-за кулис со слезами, а я медленно шествую за ней со священной книгой в руках, так как я их должен венчать. Костюм на мне был из толстой ткани, и я от волнения и жары начал потеть, как в бане. Но это еще полбеды. Я же умудрился натянуть для солидности очки с простыми стеклами, естественно, мои очки тоже запотели, и я ничего не видел. Не рассчитав свои шаги, трясущимися ногами наступил на кончик фаты. А в это время Лючия всё рыдает, ее уже приглашают к столу подписаться, она фату дергает, дергает, а сама ни с места, в зале начинается смех. Лючия плакать перестала и тоже заулыбалась, а я-то ничего не вижу, стою, уткнулся в книгу как ни в чем не бывало. Потом слышу из-за кулис голос режиссера: «Алекс, сойди с фаты». Да что говорить, на сцене бывало столько забавных моментов, что можно целую книгу написать. Из-за того, что я все глубже и глубже погружался в музыкальный и артистический мир, пришлось оставить строительную работу. А в то время я уже занимал должность руководителя по хозяйственной части на железной дороге в центре города. Отвечал за внешний вид платформ и вокзалов. Хотя все высшие начальники уже знали, что я певец – потому, что много раз выступал по телевидению, радио и опер-

ном театре, но не хотели отпускать меня с работы. Устроили прощальный банкет в железнодорожном институте, где я еще продолжал вечерами учиться строителя. У меня с коллегами были хорошие отношения, особенно с подчиненными, простыми работниками, так что расставаться было нелегко. Но я должен был оставить работу и добрых коллег – меня мучила совесть, что я последнее время уделял очень мало времени и внимания службе, весь был устремлен к искусству пения. То, что русская молодежь продолжала находиться в единстве, соединение со старшим поколением, принесло плоды, Русский культурный центр духовно и культурно обогатился и процветал. Гремели свадьбы за свадьбами, что меня особенно радовало, ведь в этом-то и была моя цель – сохранить молодежь вместе. И чтобы она знакомилась и женилась. Братья тоже все устроились, появилось уже новое поколение Шахматовых. Строительная компания Шахматовых расширяла свои горизонты, сестра вернулась к своему призванию – стала директором русской школы. Родители были здоровы и счастливы. Только мне все чего-то не хватало, не было спокойно на душе, все хотелось куда-нибудь уехать. И я решил проехаться с концертами по всей Австралии, полюбоваться природой и изучить пятый материк. Сообщил во все концы континента, что я еду, готовьтесь! Сели на автомобиль и поехали. Мне, главное, очень хотелось узнать, где проживают русские и как они влияют на духовное, культурное и научное развитие страны. Как известно, в Австра-

лии жил и работал русский ученый-путешественник Миклухо-Маклай и оставил большое научное наследство. По сей день австралийцы благодарят его и совсем недавно торжественно отметили 150 лет со дня рождения русского творца.

Взяли маршрут на север по деревням и маленьким городкам к столичному городу штата Королевская земля – Брисбену, где уже был объявлен концерт. Выехали рано, до восхода солнца, чтобы не застрять в утреннем пробочном кошмаре. Междугородняя дорога неширокая и извилистая, так что большую скорость не развивали, да было и опасно: постоянно мчались громадные грузовики и перебежали дорогу кенгуру разных размеров. Постепенно всходило солнце, озаряя желтокрасным цветом землю. Зачирикали и запели птицы. Кукубара уже закончила свой плач и занялась добычей пищи для птенцов. Да и нам уже была пора закусить, чтоб голова не заболела. Заезжаем в датскую деревню, где действительно было все в датском стиле: архитектура домиков, ресторанов, магазинов, улиц. Такая картина нам была удивительна, только в ресторане нас успокоили: «Не волнуйтесь, вы в Австралии, это лишь туристическое сооружение», для приманки туристов. Вкусно закусив, отдохнув и отблагодарив за гостеприимство, двинулись дальше. И чем больше рассматривали природу, тем больше она казалась однообразной – пожелтевшая трава, то тут, то там клочками виднелись деревья. Только когда приближались к берегу океана, то там появлялась жизнь: все зеленело и расцветало, и было как-

то жалко, что люди селились и строили дома, фабрики, заводы именно в красивых местах, был коммерческий подход, не беспокоились о природе. К вечеру подъехали к «Золотым берегам» – месту, которое уже полностью схвачено коммерческой и туристической жизнью. Поужинали, немножко походили, расправили спины и ноги и покатали в Брисбен. Через полчаса мы уже въезжали в большой город и сразу ощутили загрязненный воздух. Первое, что нас обрадовало – мы увидели русский православный собор, с куполом и большим золотым крестом. На душе даже стало легко! Встретили нас добрые наши знакомые еще по Китаю – Надежда и Николай Домогацкие и не разрешили останавливаться в гостинице, пригласили к себе. Я сразу позвонил импресарию. Меня как певца интересовало, в каком положении находится подготовка к концерту. Узнал, что билеты все распроданы, и возможно, что экспромтом придется давать еще один концерт. Это приятно слышать любому служителю искусства. Милая Надя приготовила русский стол с множеством закусок, и несмотря на то что я непьющий, но с земляками с удовольствием выпил рюмку водочки под селедочку. Утром воскресного дня пошли все в храм. После торжественного богослужения стал присматриваться, кто же прихожане, и оказалось, что большинство – наши трехреченцы и мои соученики. Радость-то какая, ведь нет ничего сильнее той детской, школьной спайки. Словно встретил родных. Все со слезами приглашают к себе, но, к сожалению, физически это было

невозможно, потому что вечером назначен концерт. Узнал, что в Брисбене большая русская колония, три храма, культурный центр, много творческих групп, талантов... Все это радовало душу, но одновременно я ощущал ответственность как русский певец накануне своего первого концерта, потому что я был уверен – вся колония будет вечером меня слушать. Еще мне сообщили, что будет присутствовать русский бас Михаил Троицкий – композитор и регент хора, тут я совсем насторожился и начал мысленно проходить программу вечернего концерта. Концертмейстер был у меня надежный – сам профессор Лев Демонт! Так что в этом отношении я был спокоен!

Действительно, зал был переполнен до отказа, многие стояли. Хотя певцы никогда не довольны своим выступлением, это говорит о том, что они истинно служат искусству, но я чувствовал какое-то необъяснимое удовлетворение. Ведь меня слушал в большинстве своем родной народ, и я изливал свою душу со всей любовью. Успех был незаурядный. Пришлось петь много на бис, публика не хотела расходиться, да и мне тоже не хотелось расставаться. Организаторы постарались, устроили после концерта банкет, где еще пришлось петь. Назавтра Надя и Коля показали нам город, а вечером мы дали повторный концерт и после сразу выехали из шумного города. На душе было радостно и печально... Следующий концерт был только через четыре дня, так что мы решили заехать во внутрь материка к абори-

генам как незваные гости. Ведь цель поездки заключалась не только в выступлениях, но и в изучении материка. Поехали в небольшой городок Мори, где знаменитые минеральные воды. Ехали всю ночь, потому что ехать днем невозможно – сильная жара, у автомобиля перегревается мотор. Подъезжаем к поселениям и видим, как под деревьями сидят старые и малые аборигены и громко говорят и поют.

Остановились, они нам показывают большой палец, и мы им тоже. Они перед нами начинают кулаками размахивать, тут мы смекнули – что-то не то, нет улыбок на лицах, решили ехать дальше. Заехали в гостиный двор, заняли комнаты и зашли в ресторан позавтракать. Подошел к столу милый хозяин, спросил, что нам подать. Я попросил его дать что-нибудь местного, национального. Да, действительно, пища была необыкновенная и вкусная, но из чего мы так и не узнали.

Когда стали прощаться, я рассказал хозяину, как нас встретили аборигены. Милый Джонни громко засмеялся и объяснил, что здесь нельзя показывать большой палец вверх. Это означает ругань, оскорбление. Тут-то я сообразил, в чем дело, ведь у нас русских, это наоборот хорошо. Покупались в минеральных бассейнах и через день поехали дальше, на запад Австралии. Дорога такая, что я думал, мы уже по Африке едем – равнина, песок, все желто-серое, безжизненное. Иногда только появляются встречные машины и опять ничего. Уже хотели развернуться назад, но желание к познанию победило. Так что, хотя и скучно, но едем

вперед. Ехали без остановок, проезжая без остановок поселения аборигенов. Хотя они улыбались и пальцы не ставили, но мы ехали дальше, решив, что белые уже достаточно привили цивилизацию – научили пить, курить табак и марихуану, да еще и пальчики показывать. Вот уже едем десять часов, а дорога все скучнее и суше. Наконец увидели большой указатель – на Перт прямо, а на Аделаиду налево. Я громко воскликнул – влево, потому что ехать такой дорогой еще двадцать часов я не хотел. Лучше уж потом как-нибудь следаю на самолете в красивый и зеленый западный штат Австралии. При первой остановке позвонил в Перт и попросил концерт отложить на неделю, что, конечно, расстроило организаторов моих гастролей. Как только повернули влево, сразу появились зелень, деревья, животные, птицы. Пора уже обедать, да и автомобиль был весь пыльный, ничего нельзя было видеть. Остановились в маленькой деревушке. Плотно поели, вымыли автомобиль. Сели и помчались уже по приятной дороге к зеленому городу Аделаиде, где нас уже ждали близкие друзья – Михаил Чуркин с женой Ирой и поэт Олег Козин с женой Ниной.

Город Аделаида небольшой, зеленый и уютный. Друзья встретили тепло, так что физическая усталость быстро прошла. Михаил Николаевич уже успел мне рассказать о многочисленной русской общине, что меня всегда особенно интересует, куда бы я ни приезжал. Как говорится, «своя рубашка ближе к телу». Ввиду того что мы приеха-

ли в Аделаиду пораньше, я решил дать благотворительный концерт в Русском культурном центре для соотечественников. Тем более что я знал, что организаторы здесь хорошие, а М. Н. Чуркин даже прославлен на всю Австралию, за свою общественную деятельность получил королевское признание. Олег Козин тоже любимец публики, замечательный поэт, так что они могут поднять весь город на дыбы. Назначили концерт через два дня, и пошла молва о моем пребывании по поселениям. Многие меня уже знали по выступлениям по национальному телевидению и радио, так что особенной рекламы было не нужно. В день приезда милые сударушки, Ирина и Нина, приготовили обильный ужин, на котором собралась вся сердцевина русской общины. Меня очаровали не одна, а сразу две красавицы – Ангелина и Таня, доченьки гостеприимных хозяев. Утром пошли погулять и познакомиться с городом, уже традиционно первым долгом в православный русский храм. До обеда рассматривали и наслаждались красивым городком, а после юные красавицы предложили на автомобиле поехать посмотреть окрестность. Действительно, красивые места! Много фруктовых деревьев, зеленые поля и холмы, бесконечные виноградники, где делают знаменитые на весь мир австралийские вина. «Одно блаженство, подумал я, чудесная природа, красавицы девушки, да еще и русские вокруг». Что касается культурного положения в городе Аделаиде, то здесь не совсем все на достойном уровне – оперного театра нет, симфонический оркестр

только начал зарождаться и фестиваль еще не был на рельсах. Концерт состоялся, я был в ударе, публика принимала доброжелательно. Попрощались, и я улетел в Перт. Западное побережье тоже очень зеленое, и город расположен на берегу. Здесь, к сожалению, русские уже не встречали. Нет общины, живет лишь несколько семей, и даже как-то стало скучно. Встречали меня австралийские организаторы концерта, очень вежливые и деловые. Сразу повезли меня на репетицию с аккомпаниатором. Это оказалась очень музыкальная дамочка, чуть-чуть самоуверенная, что иногда мешает солисту. Но после нескольких пропетых вещей все встало на свои места, и я мог спокойно отдыхать и внутренне готовиться к завтрашнему концерту. Вечером погулял по центру города, но вся эта коммерческая и рекламная атмосфера наводила тоску, и приходили грустные мысли – неужели мы, человечки, дойдем до того, что вот эта Богом данная чудесная природа будет нами предана-продана и уничтожена? Утром дал несколько интервью для местных газет, радио и телевидения, а вечером успешно спел программу концерта. Публика и организаторы остались довольны. Сел на самолет и в ночь вернулся в Аделаиду. Переночевали и утром рано выехали на юг, по направлению к городу Мельбурну. Чем дальше мы въезжали на территорию штата Виктория, тем сильнее ощущалась прохлада, а растения становились еще зеленее. На полдороге остановились подкрепиться и дать машине отдохнуть, а то мой шустрый водитель от быстрой езды полу-

чает удовольствие, часто приходится его сдерживать.

В Мельбурн ехали охотно. Знали, что там проживает много русских, будет пища для души. Да и город я уже знал хорошо, в нем начались мои первые шаги как певца. Здесь я много раз выступал по телевидению, радио, и первая пластинка записывалась тоже тут, так что настроение было возбужденное. Еще по дороге решил остановиться в гостинице, а то чересчур обильные угощения, многочисленные встречи и разговоры очень утомляют. Да и уже две недели путешествуем – немалая нагрузка. До заката солнца тихо и спокойно, без гласности заехали в большой и самый старый город пятого материка.

Нужно было выспаться, так как я знал, что меня ожидает – здесь проживает не только много русских, но и много моих соучеников по Хайлару. Спал крепко и долго. Был воскресный день, захотелось пойти в храм помолиться и поблагодарить Всевышнего за счастье и радость, которую я всюду ощущал. В Мельбурне несколько православных храмов, но я пошел в тот, где служит добрый батюшка с красивым ангельским голосом и молитвенно поет хор. Известному человеку очень трудно молиться в храме, люди начинают шептаться и переглядываться, нарушая этим молитвенное настроение, что есть немалый грех и становишься без вины виноват. Поэтому решил надеть темные очки и слегка переменить прическу. Незаметно зашел в храм и встал в уголок, а свечи попросил поставить водителя. Но не тут-то было, Александр

Васильевич, уважаемый председатель Русского дома, подметил меня и громогласным голосом воскликнул «Шахматов»! Закончилась литургия, многие стали подходить, смекалистый председатель заметил, что такие неуместные встречи и разговоры мне не по душе, подошел ко мне, взял под руку и повел прямо в Русский дом, который находился за углом. Зашли в зал, и что я вижу! Накрыт стол и вокруг стоят люди с милыми лицами. «Вот так вот, подумал я, с вами, дорогие соотечественники, не отдохнешь, но раз взялся за гуж – служить искусству и народу, так молчи, Александрюшка», чуть не вслух промолвил я. Посадили меня на почетное место, и начался опять пир. Приветственные речи, расспросы, а затем и пение местных певцов. Присутствовали талантливые и интересные люди, особенно меня захватил своими стихами поэт Игорь Смолянинов. Появился и оркестр струнных инструментов, заполняя звуками небольшой, но уютный зал. Через некоторое время пришла знакомая русская девушка Лена, я извинился, поблагодарил за душевный прием, и мы покинули доброе русское застолье. Что скрывать, ведь нелегко живётся на чужбине, русские не могут жить только животом. После бурной атмосферы решили погулять на природе, тем более что мы давние друзья, и нам есть о чем поговорить и вспомнить. Завтра нужно было проверить зал и начать репетировать с пианистом и оркестром, так как уже было объявлено несколько концертов. День был заполнен до отказа, я уже мечтал о том, когда вернусь в гостиницу и усну богатыр-

ским сном. Только к восьми часам меня подвезли к гостинице и я с облегчением вздохнул – наконец-то могу отдохнуть. Но еще не успел взять ключ, как слышу: «Саня, здорово»! Смотрю – какой-то незнакомый человек, а он еще громче: «Что, не узнаешь? Это я, Петька, твой однокашник из Тыныхэ». Тут все стало ясно – это тот Петька, с которым мы дрались из-за сестер! Опять объятия, разговоры, воспоминания, незаметно пролетела ночь.

Да простят меня те читатели, которым, может быть, хотелось бы более подробно узнать о моей творческой жизни. Признаюсь, что не могу, не получается о себе писать. Надеюсь, что в будущем найдется человек, который сможет детально ознакомить всех интересующихся с моей артистической жизнью.

Лена мне рассказала, что недалеко от Мельбурна находятся несколько русских поселений, где осели переселенцы из Трехречья, даже есть казачья станица, что, конечно, меня заинтересовало. И я ее попросил организовать туда поездку. Подготовка к концертам проходила благополучно, параллельно выступал по телевидению и радио. Вскоре Лена сообщила, что уже организовала встречу с моими земляками и соучениками. Едем по направлению городка Джелонга. Дорога широкая, вокруг все засажено фруктовыми деревьями. Подъезжаем к православному храму, я вижу много народа, и спрашиваю Лену: «Что, сегодня какой-то праздник?». Она отвечает: «Нет, это все пришли встретиться с тобой». Тут я

и ахнул: во-первых, столько народа, а во-вторых, около храма. Вышел из машины, увидел лица, и передо мной поплыла картина детства и юности. Какое было внутреннее состояние, описать невозможно. Начались объятия, слезы и разговоры. Пригласили меня в прицерковный зал, где, как всюду по русскому обычаю, накрыты столы, все украшено цветами! Был и батюшка. Я попросил сначала помолиться, потому что так хорошо было на душе, что хотелось отблагодарить Господа за такую встречу. Был и атаман с казаками в казачьих формах. И началась невероятная встреча русских людей – изгнанников с родной земли, исколесивших уже полпланеты и оставшихся в приютившей их Австралии. Мне было особенно радостно узнать, что все говорят на родном языке, соблюдают русские традиции, живут дружно и продолжают любить родину и жить родной Россией. Все обеспечены. Меня так все растрогало, что я начал петь все казачьи песни, которые я знал, а потом запели и все. Встреча продолжалась всю ночь, даже милый батюшка ничего не имел против, все приговаривал «Бог простит – это для нас историческое событие»! Эта встреча помогла мне достойно провести все концерты, которые прошли с успехом. И в приподнятом настроении и с гордостью за русский народ покинули мы город Мельбурн. Не доезжая до города Сиднея, остановились отдохнуть и закусить. Зашли в первый попавшийся ресторан. Заказываем еду и между собой говорим на русском языке, вдруг подходит хозяин и на чисто русском языке

спрашивает: «Что, земляки, проголодались»? Оказался наш русак, но не из Китая, а из Европы. А это значит опять угощение, разговоры. Когда мы сказали, что уже месяц путешествуем по Австралии и возвращаемся домой, он спросил, «были ли мы за Брисбеном к северу»? Я ответил, что нет. Тогда он говорит: «Жаль, ведь там живет наш русский Тарзан». Я заинтересовался. «Да дело было так: мы с ним вместе работали в шахтах, заработали много денег, он женился и остался жить в теплом местечке, а я не любил жару, уехал вот сюда. Прошло уже 25 лет, он уже вырастил детей, жена захотела поехать в Брисбен к родителям, да и осталась там. А он не мог терпеть бешеную городскую жизнь, продолжал жить на природе среди зверей, птиц... В один прекрасный день он решает уйти из цивилизации и жить, как Тарзан. Вот вам еще одно русское чудо! О нем даже снимали документальный фильм», добавил наш гостеприимный хозяин. После этого не хотелось больше ничего говорить. Сели и пока-тили.

Возвратившись в Сидней, сразу уехал на дачу, надо было прийти в себя и записать в дневник все, что за месяц было пережито. Наступил последний год занятий. Я записался на участие в нескольких национальных конкурсах, так что это было очень ответственное время. Оперная школа готовила три оперы, и во всех я должен был петь: две вторые и одну главную роль на разных языках и разного характера. Совсем не было времени для того, чтобы заниматься об-

щественными деяниями и оказывать внимание красавицам певицам оперной школы. Вскоре я выиграл конкурс молодых оперных певцов и получил стипендию для учебы в Италии, что было потрясающим исполнением желания. Ведь я с детства мечтал посмотреть мир! Такие результаты подняли настроение, и я готовил роли и экзамены с удовольствием. Одновременно готовил большую программу для записи на радио АВС с профессором Львом Демонтом. Через некоторое время получил предложение на гастролы в Северную и Южную Америку. Сдаю успешно экзамены, получаю звание оперного певца и завершаю обучение в консерватории исполнением трех оперных ролей. Получив солидный денежный подарок от братьев, я стал собираться на гастролы в Америку и занятия в Европе. Русский культурный центр в знак благодарности за мой вклад в сохранение русскости на чужбине устроил мне прощальный торжественный вечер, где было очень много народа, так как многие хотели мне лично пожелать успеха и на других материках и странах. И так, в 1975 году я уехал.

Северная и Южная Америки

Чем дальше улетал от семейного очага, тем грустнее становилось на душе, ведь это был мой первый физический отрыв от родных. Громадный самолет сделал две остановки: одну в Фиджи, а другую на Гавайях, и благополучно приземлился в городе Сан-Франциско, штат Калифорния. Встретил меня друг детства моего отца, с офицерской выправкой, и повез в гостиницу. Было утро, и город еще не освободился от традиционного тумана, но уже можно было заметить уникальные строения и расположение города. Внимательный Леонид Петрович по дороге рассказывал о большой русской колонии, о том, что здесь десять православных храмов и великолепный собор, который был только что возведен. Большой Русский культурный центр, русские дома для престарелых, школы, даже русский оперный театр, ну и, конечно, множество русских ресторанов и магазинов. Слушая дорогого гида у меня возникло такое ощущение, что я прилетел в русский город! Ну вот, подъехали к месту назначения, Леонид Петрович говорит: «Отдыхайте, а после обеда придут организаторы гастролей и журналисты», и сам ушел. Гостиница была очень приятная, быстро устроился и прилег отдохнуть. Но не тут-то было, загремели телефонные звонки. Оказалось, что здесь проживает около 80% русских из Китая, а это значит опять встречи, угощения, разговоры... Хо-

тя это утомительно, но я с удовольствием в этом участвую, зная насколько это важно для духовной связи нашему рассеянному народу на Земле. Но и, конечно, не забывал, что главная цель моей поездки – это карьера и изучение быта разных стран. Не успел отдохнуть, как уже пришли деловые люди и начали меня знакомить с намеченной программой. Первым делом они сообщили, что на первый концерт уже билеты распроданы и если я не против, то они готовы организовать второй? Вскоре подошла и пианистка-аккомпаниатор, затем пообщался с журналистами, а тут уже подходило время знакомства с деятелями культуры и залом, в котором я буду петь. Несмотря на то что полет продолжался 20 часов, от возбуждения не ощущалось усталости, да и молодость давала о себе знать. День был на редкость солнечный, туман покорился солнцу и уступил ему место, так что я мог рассматривать холмистые улицы, знаменитый мост «Золотые ворота» и большущий сад-парк, разделяющий город с одного конца до другого. Замечательный оперный театр, концертный зал – резиденция симфонического оркестра, да и весь город, маленький и красивый, были как будто на ладони. Понадобилось всего лишь два часа, чтобы его объехать. Первое впечатление было восторженное. Видно было, что город культурный. И, конечно, меня совсем покорила Китай-город, тут уж у меня не было слов! Состоялась встреча с интересными и талантливыми соотечественниками, прошли часть программы с концертмейстером и где-то около 10 часов вечера

я вернулся в гостиницу и спал эту ночь как мертвый. Утром проснулся, посмотрел на часы – показывают шесть часов. Думаю, что же это такое? Окна в комнате закрыты шторами и было темно. Неужели спал целые сутки? Потом вспомнил, что забыл перевести часы с австралийского времени. Соскочил, раскрыл окно и сразу увидел городскую башню, на которой часы показывали уже 10 часов утра. Быстро собрался и бегом в храм, нельзя нарушать традицию на новом месте – надо помолиться Богу в русском православном храме, прежде чем начать служить искусству и народу!

Величавый православный собор был переполнен, служил сам архиерей, пел большой хор, захватывая душу. Что особенно было удивительно для нашего времени – большое количество детей и молодежи, все опрятно одетые, девочки в платочках. Закончилась литургия, владыка произнес пропитанную любовью и тревогой за будущее человечества проповедь и пригласил всех на трапезу. А мне так захотелось поехать на природу, по-настоящему отдохнуть телом. Отказался от любезных приглашений и с новой знакомой Сашей из аристократической русской семьи уехал из города. Отъехали километров десять от города и видим яркий указатель на Русскую речку, видимо, милая девушка чувствовала, что меня больше всего интересуют именно те места, где проявлялась русскость. Времени уже было два часа дня, а мы еще ничего не ели, попросил Сашу заехать в ресторан. Зашли в ресторан, нас сразу вежливо пригласили за стол. И первое,

что я заметил на стенах – это бело-желто-черный русский флаг, портреты русских адмиралов и полководцев и другую национальную символику царской России, что, естественно, меня приятно удивило. Стали читать меню. И тут тоже предлагаются разные русские закуски. Подошла средних лет женщина, чтобы принять у нас заказ, я ее спросил: «Кто хозяйин?» Она ответила: «Да мы с мужем». «Так вы русские?» – уже воскликнул я. «Нет», спокойно ответила хозяйка. «Так почему же тогда у вас русская пища и украшение на стенах?» «Да потому, что мы очень любим русский народ за то, что они нам помогли создать независимое государство – США. Русский царь – единственный, кто поддержал и отправил Российский флот к берегам Северной Америки, посмотрите вон на стене карта», заключила она. Тем временем уж подали борщ, так что душу захватывающий разговор пришлось прервать. С удовольствием вкусили русской пищи, и я внимательно стал рассматривать карту. Действительно, в этих местах жили русские и много сделали для основания американского государства. Все эти места являются заповедниками. Удивительно, почему сейчас теперешние правители США делают все, чтобы великая держава – Россия – распалась на мелкие республики? «Да, много странного и злого в мире...», подумал я, и мы вышли из ресторана. Погуляв по берегу русской реки и с гордостью полюбовавшись на русскую крепость Форт-Росс, сели в автомобиль и вернулись в уже потемневший город. Договорились встречать вме-

сте Новый Новый. Я поблагодарил милую русскую девушку, и мы расстались. Так окончился мой второй, в русском духе, день в Сан-Франциско. В этот вечер я отключил телефонную связь в своей комнате, чересчур уж много впечатлений за короткое время. На следующий день прорепетировал всю программу концерта, пианистка была чуткая, чувствовала композитора и меня. Вечером директор оперного театра пригласил послушать оперу «Борис Годунов» со знаменитым басом Николаем Гяуровым. Для меня, молодого певца, было большим событием слушать болгарского певца. Тем более что я уже сам начал петь Бориса. Постановка была на высоком уровне, замечательно пел хор. Хотя некоторые солисты были слабые, как в вокальном, так и драматическом смысле, да и режиссер не совсем понимал Мусоргского, местами оркестр играл очень громко, но мне было приятно, что это русская опера и на русском языке. Русская музыка продолжает радовать Вселенную!

«С Новым годом! С новым счастьем!» – раздаются пожелания в большом Русском культурном центре туманно-солнечного города Сан-Франциско, где собрались более тысячи русских людей трех поколений, где самые преданные дети матушки России торжественно в родном русском духе встречают Новый Год на чужбине. Прекрасный зал разукрашен, первоклассный оркестр художественно играет родные мелодии, вальсы, танго, фокстроты, коробушки и нареченьки. Все одеты в строго вечернее – сударыни с прическами,

в красивых длинных платьях, судари в темных костюмах с бабочками. Унесло меня сразу в далекие и близкие сердцу пушкинские времена, когда Онегин и Ленский приехали на бал в дом Лариных. А так как я очень люблю танцевать, то мы с красавицей Сашей не пропускали ни одного танца. Милая девушка не успевала мне представлять: вот это граф Аполлон Соллогуб, а это поэтесса Ольга Скопеченко, а вон там бас Виктор Примо, а вот вошел и известный пианист Владимир Плешаков, экономист-публицист Володя Беляев. Со всеми меня знакомили, некоторые были удивлены, увидев меня, потому что, видя мои афиши, все думали, что я уже средних лет, а тут оказывается совсем молодой человек. В этот вечер как – все были особенно добры и внимательны, почти что все приглашали меня на рождественские дни к себе домой. Веселье продолжалось до рассвета. А после, ввиду того что это была последняя неделя поста и, что скрывать, грехов поднакопилось, я решил за это время посетить все православные храмы и монастыри города и окрестностей. Меня любезно согласился повозить человек, которого все называли живой и ходячей энциклопедией – Борис Михайлович Коновалов. Он мне не только все показал, но и рассказал столько о России, Китае и Америках, что мне хватит материала на несколько книг!

И вот наступают святые дни Рождества Христова! Торжествуют православные люди по всей Вселенной. Все храмы переполнены молящимися, а в соборе собралось столько на-

рода, что полиция вынуждена была перекрыть улицу. Мне показалось, что было около трех тысяч человек. Для меня впервые встречать праздники вдали от родных было нелегко, но помогло общее ликование русских на американской земле. Разговляться меня пригласила многочисленная и патриархальная семья Ильиных – это в доме Сашиной бабушки. Дружное семейство напомнило мне о нашей семье.

Тем временем до концерта уже оставалось несколько дней. Отказался от всех приглашений и ухаживаний, стал серьезно готовиться к первому выступлению в США. Приезжали русские из окружающих городов, за несколько дней до концерта приехал и дружок моего отца, Илья Иванович Яковлев из Лос Анджелеса, словом, событие предстояло знаменательное не только для меня, но и Русского мира. Как сказал Леонид Петрович Бенхин, такого рода событие в городе Сан-Франциско второе, первое было, когда Николай Гедда давал благотворительный концерт на построение собора. Это меня еще больше заставляло ответственно провести выступление. И вот день концерта! Погода хорошая, утром проверил голос – звучит. Это самое главное, от этого поднимается и настроение. Заранее приехал в концертный зал, чтобы спеть несколько песен, распеться и проверить еще раз зал. А потом отключился от всех и вся до самого выхода на сцену. Распорядитель зала и сцены сообщил мне, что публики тьма-тьмущая! От чего радостно и волнительно.

Первый звонок. Начинаю делать легкую гимнастику, сни-

мая напряжение всех мускулов, несколько глубоких вдохов и приседание на стул. Второй звонок, полная тишина, закрытые глаз, в голове идет просмотр первых произведений программы. Вот и последний звонок, встал, перекрестился и к выходу на сцену. Вышел на сцену, и я больше не Александр Шахматов, а певец в мире, где даны ему слова и музыка, чтобы он исполнил их так, как просят его композиторы и либреттисты, то, что от него и ожидают уважаемые слушатели. И вот пианист играет волшебные ноты Глинки, и певец запел «Уймитесь волнения страсти», сдержанным звуком, не полным голосом, на чем и основывается любое произведение. По окончании – аплодисменты, и здесь певец уже знает, как он спел. Дошло время до самого ответственного произведения – монолога Бориса «Достиг я высшей власти...», и в самый драматический момент, когда я набрал глубокое дыхание лопнул ремень, и мне нужно было незаметно поддерживать его рукой и продолжать петь. Когда я закончил и начал раскланиваться, ремень оказался в руке, многие решили, что так нужно, а те, кто заметил неловкое положение, еще больше аплодировали. И вот последний номер, когда я уже распелся и успокоился, вошел в роль исполнителя, пора отдать все, как благодарность всем. Публика приняла залетного певца хорошо. Пришлось спеть еще несколько русских романсов и песен. Ощущались усталость и радость, ведь так тяжело для певца пускать «первую ласточку». Много было благодарности и цветов, особенно от своих, русских!

После в Русском центре был банкет. Сразу после концерта позвонил родным в Австралию. Дорогой Илья Иванович был очень счастлив, что сынок его дружка Васи имел незаурядный успех. Он мне сразу же доложил, что концерт в Лос-Анджелесе уже объявили и что в Голливуде не такая большая русская колония, как в Сан-Франциско, но есть гарантия, что все они будут на моем концерте.

Побывал на русском кладбище, поклонился всем прекрасным и великим русским людям, ушедшим в иной мир на чужбине, особенно углубились мои мысли около могилы неповторимого и непобедимого молодого русского боксера Андрея Шиляева, которого убили за то, что он служил только России и его не смогли купить.

Ввиду того что следующее мое выступление не скоро, меня пригласили посмотреть, как живут русские фермеры в штате Орегон, это где-то десять часов езды на поезде. На что я охотно согласился. Собрался и сел на дневной поезд, чтобы полюбоваться природой западной части Америки. Поезд чистый, удобный и совсем не заполнен, видимо американцы больше ездят на автомобилях. Встретил меня бородатый великан Петр Калугин, с открытым лицом и душой, и на большом грузовике повез меня в русские деревушки. И вот заезжаем в поселение, на главной улице стоит церковь, окрашена в золотой и голубой цвета, с высоким крестом, домики разного стиля и построения, по улицам бегают, играют дети в красочных русских рубашках-косоворотках, девчуш-

ки в сарафанах, в платочках и все как один краснощекие, здоровые! После современного оформления нашего, так называемого цивилизованного, мира все народы казалось сказкой. По русскому обычаю сразу пошли помолиться в храм, познакомились с кротким батюшкой и отправились на ужин в дом Петра. Там уже хозяйюшка с невестками постарались, приготовили такой стол с разными домашними закусками, что глаза разбегались. Петр Алексеевич прочел «Отче наш», и мы удобно расселись на самодельные стулья. Появилась и бражка, хозяин промолвил, что это специально для редких гостей. Закусили и выпили в меру и стали уже по-братски разговаривать. Петр сказал, что они тоже из Китая, затем попали в Бразилию, где жили своей жизнью и занимались сельским хозяйством. Дожили уже до того, что все стали родственниками, то есть уже не за кого было выдавать дочерей, вот и решили просить американское правительство, чтобы нас приняли и дали в аренду землю. И наши русские в Турции тоже были в таком же положении, и они тоже приехали сюда, вот так все и съехались сюда. «И слава Богу, живем неплохо», добавила милая хозяйюшка. Через некоторое время вбегает одна из дочерей и докладывает – «Батенька, баня скоро будет готова!» Меня домашняя пища и интересный разговор уже унесли в необъяснимое царство, а тут еще и баня! Пошли с добродушным хозяином попариться и смыть загрязненные осадки эфира, которые все больше и больше захватывают планету. «Банька, так банька, подумал я, все

чисто, на месте, по-хозяйски». Сели в предбаннике, выпили квасу и пошли. Я, как неопытный парильщик, через час уже выскочил, как пробка, из раскаленной до предела бани и ходу. Побыл некоторое время на улице на свежем воздухе и зашел в дом. Милая Ксения Федоровна сразу дала мне какого-то сока, я так упарился, что даже не ощущал вкуса, и уложила в постель, и больше ничего я не помню. Утром встали, а стол уже опять накрыт, все свежее и вкусное, а тут еще после вчерашней еды не можешь прийти в себя. За завтраком Петр говорит: «Саня, хочешь со мной завтра поехать на Аляску?» «Как так, на Аляску?» – спросил я. «Очень просто, ответил хозяин, там тоже живет много наших русских и уже начинается сезон охоты». Тут он меня поставил в такое положение, что я не знал, что и делать. А так как до концерта было еще две недели, то я решил рискнуть и согласился. Весь день Петр Алексеевич знакомил меня с поселенцами и хозяйством. Огороды и участки с фруктовыми деревьями были все ухожены. Все приспособлено для орошения. А какие овощи и фрукты! Да, вот что значит, когда есть хозяин! И я подумал о своем русском народе на родной земле в России. Чуть заря мы на легковой машине выехали по направлению города Сиэтла, где тоже проживает много русских, и Петр уже предупредил их, что мимо будет провозить знатного гостя, как он меня всем представлял, и чтобы они готовили встречу в Русском культурном центре, переполошил всех. Через час уже заехали в красивый город Сиэтл,

и мне показалось, что мы оказались в ботаническом саду – столько всюду зеленых деревьев и разных цветов! Действительно, почти что вся община собралась посмотреть, а может и послушать залетного певца из далекой Австралии. И это, несмотря на то что было еще раннее утро, что меня удивило сначала, а потом я подумал – ведь соскучились русские души по русской песне, да еще и в исполнении русского певца, а не русскоговорящего иностранца с коммерческим подходом. Пообщались несколько часов и, конечно, опять вкусили русской пищи, потом стали собираться в путь – нам предстояло еще ехать четыре часа до границы, а затем – на ночлег в канадский город Ванкувер. Хотя люди стеснялись, да и воспитание не позволяло попросить меня спеть, но такой теплый прием и их внимание заставили меня спеть несколько русских песен. Распрощались, проезжая около православного русского собора, перекрестились и выехали на ровную дорогу. Пока мы ехали по красивым живописным местам, наслаждаясь природой, председатель Русского центра Сиэтла позвонил председателю Русского центра города Ванкувера и сообщил, что едут, встречайте.

Подъехали к границе, пограничник посмотрел на нас в окно автомобиля, отдал честь и сказал «Проезжайте», а я уже был готов представить паспорт. И так мы заехали на территорию, где тысячи озер, великолепные горы, здоровый растительный и животный мир! Решили остановиться в гостинице, так как русские угощения набавили вес молодому пев-

цу. Но от встречи с соотечественниками я не отказался, потому что в этом была главная цель поездки. Расположились в номерах гостиницы, часок вздремнули, и, как по заказу, телефонный звонок, приятный голос приветствует нас с прибытием. А мы не в курсе дела, кто и как узнал о нашем приезде. Ну, конечно, телефонная связь сработала – это был председатель Русского центра г. Ванкувера Николай Лозовский. Он сказал, что ему уже сообщили. «Вот это да, подумал я, мир маленький». Вскоре за нами подъехала машина, и мы оказались опять среди земляков. Здесь, видимо, организационный аппарат первоклассный, они встретили нас не только всей общиной, но и хором с оркестром. Проявили все свое внимание и гостеприимство. А когда хор запел про Кудеяра «Господу Богу помолимся», то я не вытерпел и из зала запел «Жило двенадцать разбойников...». Все было так естественно, что даже трудно описать. До полуночи по-русски общались. Возвращаясь в гостиницу, я говорю Петру: «Ну, если меня ждет то же самое на Аляске, то я буду похож не на певца, а на японского борца сумо». Но на душе было радостно. Вставать утром не торопились, так как до отлета в порт Хоммер оставалось много времени. Был Крещенский день и уже прозвенели колокола православного русского храма. Так захотелось помолиться во храме! Быстро помылись, надели русские рубашки и пошли в храм на торжественную литургию в день Крещения Господня. Храм небольшой, но очень хорошо расписанный,

старенький батюшка задушевно произносил возгласы, дружно пел маленький хор. По окончании Богослужения батюшка окропил нас святой водой и благословил в дорогу. Вылетели на маленьком самолете мест на двадцать пять и через несколько часов приземлились уже в порту. Встретили нас здоровые ребята с маленькими бородками, в красочных рубашках с поясами, и повезли в городок Новониколаевск. Дорога была примитивная, если был бы дождь, то наверняка бы застряли. Но, хотя и с пылью, все же благополучно доехали. Въезжая в городок, я не поверил своим глазам, мне показалось, что я где-то на Руси – всюду были русские дети, юноши, взрослые и все одеты в национальные одежды. «Боже мой, подумал я, неужели это возможно в наше не традиционное время, когда многие народы уже стесняются надевать родные одежды»? Да и постройки тоже были в русском стиле – деревянные дома с резьбой на окнах и дверях, в центре поселения чудесный храм. Пригласил меня заехать к себе священник Кондрат Фефелов, несмотря на то что у него своих душ-то было больше десяти. А у Петра здесь семей десять родственников, так что он оставил меня в надежных руках и ушел. Ему нужно было приготовить все к охоте. Матушка Ирина начала хлопотать с доченьками об ужине, а мы, мужской род, удобно расположились на скамеечке под деревом, и началось еще одно открытие для меня. Батюшка начал рассказывать о тех временах, когда они еще жили в Китае.

Начал с того, как их отцы и деды ходили охотиться на тиг-

ров и как одному из них тигр сорвал кожу с пол-лица лапой. И как они в китайскую культурную революцию, рискуя жизнью, добирались до границы и затем уезжали в разные страны белого света. Большинство его родичей попало в южноамериканские страны – в основном в Аргентину. Там сеяли хлеб, сажали огороды, держали домашних животных – словом, жили независимой жизнью и снабжали продуктами аргентинцев. А где-то в шестидесятые годы переехали в США. «Народ наш трудолюбивый, любит землю, знает, как на ней без ущерба работать, вот и вымолили у американского правительства участок земли и сами построили вот этот городок», с достоинством сказал отец Кондрат. «Всё делали своими руками, без инженеров и архитекторов. Сначала была деревушка, а теперь уж настоящий город, есть школа, магазины и библиотека, и уже американцы стали селиться у нас. Приедут посмотреть и не хотят уезжать. Открыли здесь верфи и естественным способом, без современной техники, строим катера для рыбной ловли. Уже много заказов, только спина иногда побаливает. Вот скоро придет сезон на рыбу, и мы, все мужики, уйдем далеко в океан на своих катерах рыбачить. Забрасываем такие длинные сети, аж километр! Ловим тоннами и сдаем прямо на японский пароход-фабрику, где сразу и делают консервы. Мы на наши катера ставим самые сильные моторы от „Роллс-Ройса“, сильные и выносливые, а то, бывает, поднимется буря и начнет бросать так, что на слабеньком-то моторе не спасешься. Бывало, наши ребята

уходили под воду навсегда. Сейчас вот мужики уже готовятся к сезону охоты. Вот так, слава Богу, и живем». «А какое у вас ощущение, батюшка, жить на этой земле?» – спросил я. «А мы живем здесь как на родной земле, не признаем все эти шахеры – махеры, купи – продай, ведь это русская земля, вот и чувствуем мы себя как дома! Да поезжайте и посмотрите: везде следы наших предков, сколько одних только православных храмов стоит. Даже эскимосы православные стали. Так что нет, мы родного ничего не предаем!»

На этом месте и оборвалась наша беседа, раздался нежный голос старшей доченьки: «Добро пожаловать, стол готов!» Девушки торопились еще и потому, что у них вечером будет девичник – одна из дочерей собралась замуж, и сегодня подружки будут ее оплакивать, провожать в самостоятельный семейный путь. Вся пища была рыбная, постная, так как была среда. Но такая разнообразная и вкусная, что пост, наверное, покажется масленицей. Тихо, без разговоров закусили, и я вышел погулять по улицам городка. Долго гулял по русскому поселению и наслаждался тем, как люди могут жить в гармонии с природой. Я видел, как дети искренне веселятся, их чистые и громкие голоса звенели, как колокольчики, напоминая мне, человеку из цивилизации о том, что такое жизнь не в разрез с матушкой – природой, что такое семейные устои, как нужно беречь свое национальное достоинство и как благодарить Бога за все, что Он нам дал для того, чтобы мы были достойными людьми. Тем временем уже

вечерело, и пора было возвращаться в уютный дом бабушки. Да и мне очень хотелось увидеть, как будет проходить девичник, ведь мы, городской народ, уже все обряды позабыли. Вернулся как раз в тот момент, когда девушки с косичками в красивых сарафанах, платьях сидели вокруг стола и пели печальные старинные русские песни. Так захватило душу, что я прослезился.

Утром пришел Петр и сказал, что все уже готово для охоты на лося. Через несколько часов выезжаем. Пригласил меня, но я отказался: во-первых, время на исходе, пора лететь в Лос Анджелес, да и не могу видеть, когда убивают животных. Достаточно убийств на городских улицах и по телевидению. Распрощались, как братья родные, и он уехал. Смотрел я ему вслед и думал, какие еще есть люди на земле!

А так как прямого рейса в Калифорнию не было, то меня молодой Васек на маленьком автобусе повез в центральный город Аляски Анкоридж. Чем дальше мы въезжали в глубь Аляски, тем больше было снега. Вокруг была живописная картина! То громадный лось выйдет на дорогу и стоит как хозяин, не боясь машин, то белый горный козел при виде незнакомых существ поднимется на задние ноги и готов к защите себя и стоящих около него членов семейства, а в одном месте даже мишка-медведь дал о себе знать – заорал на все раздолье. Подъехали к аэропорту вовремя и сразу на посадку. Поднялся самолет в небо, я из окна еще раз посмотрел на холодный уголок земли и заснул до тех пор, пока уже

не стали приземляться на теплую землю. Чуть ли не из морозильника прямо в баню! В Лос-Анджелесе меня уже поджидал взволнованный Илья Иванович, так как от меня неделю не было ни слуху ни духу. По дороге из аэропорта он мне уже кое-что рассказал о городе, о русской колонии и предупредил, что здесь много красивых девчат, чтобы я был осторожен, а то карьера полетит в никуда. Словом, я сразу ощутил, что дружок моего отца по-отцовски настроился меня опекать. В доме нас уже ждали милая Ираида Деонисовна и дочери Варя и Оля. Познакомились, поговорили, а я очень захотел спать, но признаться было неудобно: что подумают барышни. Но догадливая Варя сказала: «Пора спать – Саша устал и завтра ему предстоит большой день встреч». Ночь спал плохо, две хозяйские собаки не давали спать, только задремлю, как вдруг лай, я уже готов был их выпустить незаметно на улицу, но воздержался, ведь только что познакомился с людьми. Больше намучился, чем отдохнул, но пора вставать, уже начались телефонные звонки. Позвонила замечательная русская пианистка-поэтесса Тамара Александровна Маслова и попросила, чтобы через час я был готов – она подъедет на машине. Илья Иванович тоже был весь в хлопотах, он особенно волновался, чтобы я хорошо спел, так как он уже похвастался, что приезжает певец, сын его друга детства и молодости. Да и сам Илья Иванович имел хороший голос – бас, любил хорошее пение.

Подъехала Тамара Александровна, и мы сразу поехали

к концертмейстеру-пианисту Леониду Усачевскому, бывшему личному аккомпаниатору знаменитого Марио Ланца. Показал ему ноты, он говорит, что все это много раз играл, так что можно не беспокоиться. Прошли несколько вещей – действительно профессионал! Так что я успокоился. Поехали в зал, он оказался небольшой, но уютный, акустика тоже неплохая. В кассе сказали, что все билеты распроданы. Так что все было, как говорится, на колесах. Теперь мне нужно готовиться, чтобы не подкачать. А после перерыва голос уже заметно сел, надо заниматься по три часа каждый день, чтобы голос восстановить, был свободный звук. В Лос-Анджелесе много интересного: Голливуд, Диснейленд, знаменитости, звезды.., так что нелегко сконцентрироваться.

Итак, я оказался на том месте, где восходили и падали голливудские звезды, где совершенствовали свои таланты великие актеры в студии Константина Станиславского, где творил русскую музыку гений Сергей Рахманинов, откуда выходила и красивая, и дикая мода. Сам город Лос-Анджелес мне сразу не понравился – большой и расположенный как будто в яме, где скапливаются дым, пыль и другие яды и постоянно висят над обитателями. Знаменитые бульвары Голливуд и Сансет полностью разочаровали: такие грязные и ходят там такие странные типы, то дергаются, то что-то украдкой продают. Проезжая по улицам Голливуда опасно, я спрашиваю Олю: «Так где же живут голливудские звезды, богатые люди, которые нажимают кнопку и всё перед ними раскры-

вається?» А она мне отвечает: «Ты, видимо, чересчур много посмотрелся голливудских фильмов. Вот сейчас мы въедем в район Беверли-Хиллс, и ты увидишь, где и как они все живут». Подъехали, действительно, заехали как в другое королевство – улицы чистые, всё в зелени, дома один другого красивее и богаче, стоят самые дорогие машины, а людей не видно, что меня удивило. «Что же это такое? – снова спросил я девушку, все мертво, даже собак не видать, как на кладбище», что очень рассмешило Ольгу. «Да что ты, Александр Васильевич, сейчас в Америке нормальные люди по улицам и днем-то не ходят, не то что вечером, когда грабят, насилюют и убивают, а этот клочок земли охраняется круглые сутки, если мы сейчас остановимся, то к нам быстро подъедет полиция, а если автомобиль старенький и грязный, то и документы попросят». «Так, где же свобода и демократия?!» – воскликнул я, что Олю еще сильнее рассмешило. После такого открытия я ей говорю: «Поедем лучше на концерт знаменитого итальянского баса Цезаре Сиепи». Что и сделали. Певец был в ударе и пел очень хорошо, так что восстановил мое настроение, подорванное голливудским зрелищем. Вернулись домой поздно. Илья Иванович еще не спал, беспокоился, да и ждал, чтобы выпить за компанию чайку. Утром встали, а это был праздничный день, и пошли в храм. Была архиерейская служба, служил Владыка Антоний, пел хорошо хор, и красиво звучал бархатный голос – бас дьякона. После литургии познакомился с талантливым русским худож-

ником Никитой Поповым, который уже долгое время работает в Голливуде и даже снялся как актер в известном фильме «Русские идут» В нем оказалась казачья кровь, и он сразу пригласил меня поехать к нему на обед. Меня, как родного, встретила прекрасная русская женщина – мать Никиты Мария Евгеньевна. После вкусного угощения Никита мне начал рассказывать о жизни голливудских звезд, о закулисных делах, как делаются карьеры и как гибнут те, кто стоит на дороге мафиозных структур Голливуда. От него я и узнал о гибели знаменитой русской актрисы Наталии Вуд. Видимо, ее талант, а особенно ум, мешали некоторым режиссерам и финансовым тузам. Он мне и рассказал, как погубили знаменитого Марио Ланца.

Парень был талантливый и простой и не умел считать деньги, что естественно, ведь люди искусства не материалисты, а этим воспользовались так называемые бизнесмены-шакалы, и в итоге слава была, а жить семье было не на что. Он вынужден был пойти на компромиссы, темные и грязные сделки, а финал, к несчастью человечества, давно уже известен. Совсем молодым погиб талант, Богом данный.

Тем временем приближался мой разрекламированный концерт, и я углубился в подготовку программы. С концертмейстером у меня шло все удовлетворительно, несмотря на то что маэстро был уже немолодым, но школа и опыт все сглаживали. К концерту готовились многие, не только поклонники пения, но и разные организации. С честью потру-

дилась супруга австралийского генерального консула Пенни Барбар. Она пригласила весь дипломатический корпус – послов и дипломатов более сорока стран. А Илья Иванович возбудил и пригласил русскую колонию. Постаралась и Тамара Александровна, так как она известная пианистка, педагог и член правления филармонического общества города Лос-Анджелес. В день концерта Илья Иванович волновался больше меня, запоем то один романс, то другой, чтобы вызвать у меня своего рода ревность, что бывает со многими певцами, но мне было потешно, и я от души смеялся над дружочком отца. Варя и Оля тоже готовили платья и друг другу делали прически. Только спокойная мама любовалась дочурками и приговаривала: «Невесты, дело за женихами!» Я тоже приготовил фрак и ожидал, когда за мной подъедет автомобиль. Удивительно, собаки тоже вели себя достойно, но избегали со мной встреч, видимо, ощутили мое о них впечатление по ночам. Подъехала милая Тамара Александровна, и мы уехали. Около театра было уже большое скопление народа, так что пришлось незаметно через задние двери войти в артистическую и ждать последнего звонка. Через некоторое время пришел за кулисы и Илья Иванович с широкой улыбкой на лице и сообщил, что народу столько, что все не поместятся в зале. Открылся занавес, и я вышел на сцену. И первое, что я заметил, то, что все первые ряды были заняты женским полом, причем молодыми и красивыми девушками, что было удивительно, ведь это бы-

ло то время, когда молодежь сходила с ума от Битлз, а тут оперный певец с классическим репертуаром. Спел несколько романсов Чайковского, прочувствовал слушателей и заслужил дружные аплодисменты. Голос стал распеваться перед самым сложным отделением, когда нужно петь оперные арии и отдать все вокальное и драматическое дарование. Благополучно провел и эту часть программы и перешел на русские романсы и песни. И приятно был удивлен, как тепло публика принимала русские произведения. Ведь в зале было большинство нерусских. Видимо, наши великие русские творцы, такие, как Федор Иванович Шаляпин, Сергей Васильевич Рахманинов и многие другие сделали свое дело – прославили русскую музыку и захватили души народов Мира. Спел несколько произведений на бис и простился с благодарной аудиторией. Больше всех успеху радовался, конечно, Илья Иванович. Да и по заслугам, он больше всех хлопотал и волновался. После концерта австралийский консул вместе с организаторами гастролей устроили банкет в шикарном мексиканском ресторане. Оля меня отвезла домой, где я освежился и переоделся. Около ресторана было много людей не приглашенных, но им нужно было только получить автограф. Внутри ресторана тоже было много людей, что меня стеснило, потому что по натуре я застенчив, да и от шума у меня начинает болеть голова. Но, как говорится, «взялся за гуж – так дуж!» Встретили меня консул с супругой, Тамара Александровна и Илья Иванович как официальные хо-

зьява события.

Усадили меня на почетное место около секретаря штата Калифорния, мадам Марч Фонг Ею. Она еще одна землячка по китайской земле, и мы с ней заговорили по-китайски, что удивило присутствующих. С другой стороны сидела милая жена консула. Начались речи, поздравления, пожелания. Сначала, как хозяйка штата и города Лос-Анджелеса, выступила мадам Фонг Ею и вручила мне благодарственную грамоту за мой вклад в культурную жизнь западной части Америки. Затем сказал теплые слова австралийский генеральный консул. От русской колонии выступил с пламенной речью известный русский поэт Игорь Автамонов. Пришлось и мне ответить на добрые слова. Затем шампанское, закуски и танцы под первоклассный оркестр. Оркестр заиграл вальс и вышла первая пара – Илья Иванович со своей доченькой Варей, что было вполне заслуженно, ведь он достойно исполнял роль моего покровителя. Наступила и моя очередь танцевать, а я не знал, кого из милых дам-соседок пригласить первой, но выручил меня консул, пригласил землячку по Китаю, а я пошел танцевать с землячкой по Австралии – женой консула, милой Пенни. Словом, веселья и радости было много! У всех было хорошее настроение. Во время танца, когда мы кружились по гладко натертому полу, я заскользил и приземлился около столика, где сидело славное семейство Зайцевых – родители и маленькая девочка Наташа. Делать было нечего, сказал: «Добрый вечер!», чем заставил смеяться всех

присутствующих. И кто бы мог подумать, что вот эта черноокая красавица – девочка Наташа в будущем станет моей женой! Пировали, гуляли и веселились до двух часов утра, уже иностранцы разошлись, а русские всё продолжали и не хотели расходиться. После голливудского прорыва у меня появилось много знакомых и поклонников, особенно женского пола. Бедному Илье Ивановичу доставалось больше всех, так как он всегда отвечал на телефонные звонки, как мой импресарио. Приглашали на звездные голливудские, так называемые парти-банкеты, после нескольких мне уже не хотелось принимать приглашения – чересчур много показного, наигранного в отношениях, разговоры только о деньгах, кто сколько имеет и как он их тратит, у всех деланные улыбки и ярко выраженная «карманная» дружба, то есть, если деньги имеешь, будем дружить. Красивые девушки, но большинство искусственно – то нос подрезан, то щечки подтянуты, то брови чужие, зубы вставленные... Словом, опасно влюбляться, еще влюбишься в красавицу, а при свете рассмотрешь, так и обалдеешь. Было много приглашений и от мам по просьбе дочерей, на что Илья Иванович вставал на дыбы: «Придумали, своих две дочки!».

Ввиду того что следующий концерт был назначен в Мексике через несколько недель, то я решил воспользоваться свободным временем и позаниматься со знаменитым итальянским басом Джорджо Тоцци и поехать полюбоваться природой и другими городами. Красивая Вильгельмина

согласилась любезно покатасть меня. Посетили прославленный Диснейленд – интересно, но только на один раз, через-чур много техники, а главное, что коммерческий подход везде, куда ни сунься, давай доллар, даже в туалет. Любопытно было посмотреть на людей в городке Лас Вегас, какие-то они показались мне пустые – в смысле духовном, культурном. Постоянно шум на улицах, все до предела разукрашены, точнее размалеваны, и один разговор о игре в казино, и кто приехал срочно зарегистрировать брак.

Заехали и в городок Палм Спринг – своего рода большой дом для престарелых, конечно, самых богатых и прославленных, как Боб Хоп, Пеги Ли, Джими Стюарт... Условия первоклассные! Ведь в пустыне, где температура всегда высокая, на песке, посажено столько деревьев, много парков и искусственных озер. Но когда приехали в город Сан Диего, то оказались как в саду, и все построено в мексиканском стиле. Город культурный, есть оперный театр, симфонический оркестр, знаменитый зоологический парк, да и народ какой-то добрый, открытый и веселый. Наверно из-за того, что большинство населения мексиканцы – народ верующий и с традициями. Доехали и до грандиозного Гранд Каньон в штате Аризона, без сомнения – чудо природы, как будто большое пространство земли провалилось и заросло разными растениями. Такие красивые места! До «цивилизованного» засиления там жили индейцы со своими обычаями, но теперь это лишь место для туристов, делают деньги счет вы-

мирания индейцев и природного богатства. Глядеть на эту красоту было печально. Повозила меня на автомобиле «мерседес» милая Вильгельмина по разным местам, и мы вернулись в Санта-Монику, на пляж отдохнуть и покупаться, да и было удобно, недалеко жил маэстро Джорджио Тоцци. Тем временем дорогой Илья Иванович был озабочен, куда это исчез певун Александрюшка. Донимали его телефонные звонки, а он не знал, что им отвечать. И как он был рад, когда я объявился. Начал петь и приплясывать! Побыв еще несколько дней в добром семействе Яковлевых, я улетел в Мексику. Подлетая к столице, смотрю в окно и ничего не вижу: над городом столько дыма, что, кажется, все горит. И какое было удивление и облегчение, когда пилот благополучно приземлился. Населения в городе Мексико столько, сколько во всей Австралии. Хотя после Лос-Анджелеса не ощущалось сильного загрязнения. Я уже привык, что всюду меня встречали русские, а тут, к сожалению, их не было. В Мексике нет русской общины, лишь только отдельные лица. Но мексиканцы народ гостеприимный, душевный, так что встретили меня внимательно и поместили в роскошной гостинице. Уже вечером были репетиция и встреча с журналистами. Билеты на концерт были распроданы, зал великолепный, так что будь готов, Александр Васильевич. Назавтра показали мне город и вечером пригласили на концерт симфонического оркестра с русской программой – симфония Чайковского и второй концерт для фортепиано Рахманинова. Так что не совсем

приходилось скучать. На следующий день решил погулять по городу. Посмотрел Исторический богатый музей. Удивительной архитектуры и красоты храмы. Было очень страшно видеть перенаселение города, всюду толпы, автомобили, лавочки, голодные дети, с протянутыми руками. Стало дурно и решил сесть на такси и поехать в Акапулько к морю, хоть подышать свежим воздухом. Через час перевалили гору и спустились прямо на ривьеру. И какой был контраст: с одной стороны, грязь, нищета, перенаселение, а с другой чистота, богатство и не видать людей на улицах. А когда я зашел в ресторан, то увидел, что все туристы и иностранцы хорошо одетые, с сигарами, на европейских машинах с водителями. У меня даже аппетит пропал, показалось мне все невероятно дико и несправедливо.

Концерт прошел хорошо, мексиканцы принимали от души, особенно когда спел несколько мексиканских песен. Получил приглашение на следующий год и полетел в Чикаго. В воздухе что-то произошло с одним мотором, и нас приземлили в городке Оустен, штат Техас. Город удивительный, весь в деревьях, зеленый, когда летели над ним, то домов и улиц не было видно, казалось, что летим над лесом. Полонка была серьезная, и нас всех разместили в гостинице до следующего дня. С другой стороны, мне повезло, смог ознакомиться еще с одним городом. Первое, что я заметил – выговор английского языка, совсем не похож на калифорнийский, вначале я ничего не понимал, что говорят, особенно

когда повстречался с местными жителями. Народ простой и заметно трудолюбивый. И по разговору не очень-то любят вашингтонских властителей. Один фермер, когда узнал, что я русский певец, то специально повез меня показать свою ферму, даже оставлял у себя переночевать. Да что говорить, люди, которые не оторваны от природы, все одинаковы, будь это итальянец, русский или китаец... Только когда мы попадаем в оголтелые города, и нас втянут в политические игры, и привьют кредитную систему жизни, мы все становимся продажными и начинаем летать, как пустые воздушные шары, с попутным ветром то вправо, то влево. То коммунист-интернационалист, то демократ-международник, а если спросите меня, какая между ними разница, то отвечу никакой. Отблагодарил доброго американца и попросил отвезти меня в гостиницу. Спать мог долго, так как самолет вылетал только в одиннадцать часов утра. Да и нужно было нагнать потерянное для сна время с концертами и угощениями. Позвонил в Чикаго и заснул глубоким сном. В Чикаго я летел с удовольствием, потому что мне сообщили, что там есть православный храм, можно будет помолиться Богу. Встретили меня русские люди, чего я не ожидал, но, видимо, связь русских общин на американской земле тесна, и кто-то уже доложил о моих выступлениях на западном побережье. Сразу повезли меня в храм, чуяли мою жажду помолиться. Из разговора с земляками я узнал, что в Чикаго русская община небольшая, но очень дружная, то есть не делят-

ся на группировки и не мешают друг другу жить. «Да и что делить, воскликнул Степан Андреевич, у нас, русских, одна обязанность – сохранить русскость на чужбине и сделать все, чтобы наш родной народ дома, в России, освободился от чужеземного ига». Помолились, приняли духовной пищи и поехали в гостиницу. Проезжали по центральным улицам, среди небоскребов с острыми углами и пирамидными крышами становилось жутко. И я подумал, неужели загонят все человечество в эти ящички-коробки? Ну вот и гостиница! Новые знакомые помогли устроиться и сказали: «Будьте готовы вечером для встречи с соотечественниками, которые уже Вас ждут». Одновременно подъехал и импресарио – американец итальянского происхождения и ознакомил меня с творческой программой. Назначен один концерт, выступление по телевидению и на радио и пресс-конференция. А тут подошла и аккомпаниатор, с которой сразу же в гостинице устроили репетицию.

Будучи в городе Чикаго, мне очень хотелось послушать прославленный симфонический оркестр, тем более что дирижер один из самых талантливых, особенно в опере, Клавдио Абаддо. «Хотя билеты на весь сезон распроданы, но для Вас, маэстро, билеты всегда будут» – сказал импресарио. Уладив все вопросы я распрощался с пианисткой Сюзанной и импресарио Роберто. Решил отдохнуть, так как было время сиесты – послеобеденного отдыха, заразился этой хорошей традицией в Мексике. Но уснуть было нелегко, слышал-

ся постоянный шум моторов и гудков автомобилей, несмотря на то что я находился на десятом этаже. Прогресс. Встреча с земляками была душевная, специально был нанят большой зал, где все собрались. Были и князья, казаки, хор с солистами, для меня уже привычный русский прием. Милые женщины приготовили обильный стол, все были одеты как на праздник. Много было застольных речей и, конечно, слез. Русскому человеку на чужбине стоит только немножко выпить, то сразу покатятся слезы. Тем более что я находился среди тех людей, которые пережили Вторую Мировую войну, видели, как убивали родных, гнали голодных в плен, отрывали от родной земли. Меня полностью покорила старый казак в кубанской форме, с шашкой, так лихо плясал, что молодому не угнаться. А когда мне сказали, что ему под девяносто лет, то тут я не вытерпел и расцеловал его. Глядя на лихость старого казака, я убеждался в том, что наш народ непобедим, что Россия – это вечность, только нам нужно ценить богатство духа и достоинства русского народа, беречь духовное, культурное и научное наследие, преумножать его и с честью передавать грядущим поколениям – потомкам, чтобы они нас благодарили, а не проклинали. Не хотелось расставаться с добрыми земляками, но у меня тоже ответственность, как у певца перед Россией, я должен петь хорошо. Отблагодарив за внимание и заряд духа, я покинул зал. Назавтра послушал прекрасный концерт, познакомился с Клавдио Абаддо, дал свой концерт, провел все выступления и через несколь-

ко дней оставил город Чикаго. Теперь я приближался уже к самому прославленному городу – Нью-Йорку, где у меня была самая насыщенная программа на несколько недель. Летел я возбужденный, ведь там Метрополитен-опера, знаменитые концертные залы, где выступают все мировые таланты. Да там и самое большое скопление русских! Встретил меня на вид грозный, а изнутри добрейший человек, Николай Николаевич Высоковский. Сын губернатора Нижегородской губернии – в царские времена. Он и был председателем русского общества города Нью-Йорка, поэтому и встречали меня с хлебом и солью, по русскому обычаю. Что было удивлением для американцев, они не поняли, что это за толпа людей собралась в аэропорту и громко с хлебом встречают какого-то молодого человека. Николай Николаевич не разрешил мне остановиться в гостинице, сказал, что это будет оскорблением для нас, русских, и увез к себе домой. Встретила нас прямо на высоком крыльце чудесная женщина, уже седая, матушка Николая Николаевича – Зинаида Ивановна.

Концерты были объявлены в Алис Тали Холле – Линкольн Центра, в зале объединенных наций, в русских культурных центрах «Родина», «Отрада», «Наяк» и много других выступлений с оркестрами и хорами. Когда мне показали всю программу, то я ахнул, и спросил – «вы меня решили здесь задержать на полгода, милые люди? Ведь меня уже ждут занятия и выступления в Европе». «Ничего, справитесь, со смехом ответил импресарио, до нас уже дошли слу-

хи о Ваших успехах на западе страны, ну вот мы и решили воспользоваться и постарались». Одним словом, уговорили, не стал ломать обширную программу. Соотечественники тоже приготовили свою программу. Особенно постарался Николай Николаевич. Уже назавтра устроил банкет в Русском доме, как приветствие от русской колонии. Собрались все знатные земляки. Для меня было радостью и честью познакомиться с такими людьми, как Вера Константиновна Романова, Александра Львовна Толстая, Игорь Сикорский, Борис Каверда, Сергей Зилотти, Сергей Жаров, атаман-профессор Федоров... Николай Николаевич, как адвокат и оратор, произнес незабываемую речь, у многих появились слезы, я сразу ощутил, насколько истомились русские души, при встрече друг с другом выливают все пережитое – и радостное, и печальное, к сожалению, чаще всего печальное, грустное, как им не хватает постоянного родного быта. На вид все материально обеспеченные, вроде жить да поживать, но нет, мы же русские, мое внутреннее чувство подсказывало мне, что мы не можем жить одним животом без душевного покоя, нам чудятся родные поля, реки, леса – русские просторы, где можно выпустить душу и она не затеряется. И вот эти русские изгнанники, чтоб не погибнуть на чужбине от скуки и не утомиться от надежды доживать свою жизнь на родной земле, всеми сердцами, телами держатся за русскость. Во всех речах была глубинная вера в Бога и в то, что распятая Россия воскреснет. Внимательно слушая всех, я был счастлив и бла-

годарен Господу, что на моем жизненном пути я вижу и слышу таких людей – непродажных, с русским благородством и достоинством. А когда запели жаровцы-казаки, то это было что-то невероятное, что-то необъяснимое. Казалось, что мы где-то на Дону, Кубани, вокруг пасутся кони, тянутся степи, вдали зеленеют и белеют березы. Я, молодой человек, не родившейся на Руси, впитывал в себя все это и знал, что это мне пригодится в жизни, что и было доказано позднее, когда я впервые ступил на русскую землю. Я так был тронут вниманием и теплым приемом, что не мог найти тех слов, чтобы выразить благодарность. Да и нужны ли нам слова в такой момент? Родные чувства говорили за меня. Долго торжествовали и долго не расставались. Как всюду, на новом месте первую ночь я не мог спать, да еще после такой эмоциональной встречи, но утром слышу, как добрая Зинаида Ивановна тихо просит внука не шуметь, объясняя ему, что у них дорогой гость и он еще спит. Николая Николаевича уже не было, не спавши уехал на свою текстильную фабрику. И когда я сел за стол, то замер, Зинаида Ивановна начала мне рассказывать свою жизнь и захватила меня умением рассказывать о тяжелой пройденной жизни.

Она мне рассказала о чуде, случившемся с её мужем в России, который, тоже Николай Николаевич, будучи заботливым хозяином, часто разъезжал по губернии, чтобы знать, как живут крестьяне, нет ли житейских проблем и не нужна ли помощь. И вот, однажды зимой переезжал он из де-

ревни в деревню на тройке лошадей, запряженных в сани, и поднялась метель – ничего не видать. Лошади сбились с дороги и кучер не знает, куда ехать, а холод невыносимый, и уже стали они приходить в отчаяние, что всё – конец, замерзнем! Начали молить Николу Чудотворца о помощи, спасении, и вдруг кони остановились. Смотрят, сидит старенький седой старичок. Николай Николаевич соскочил с саней и подбежал к старику, укрыл его шубой и на руках понес в сани. Стали спрашивать старца, как он оказался здесь, есть ли где недалеко поселение, он говорит: «Есть, вот тут немножко направо», что удивило Николая Николаевича. «Почему же вы сидите здесь и не идете туда?» Старичок ответил: «Да так». Кучер направил лошадей туда, куда показывал странный старичок. Через некоторое время лошади остановились, а ничего не видать. Тогда Николай Николаевич слез с саней, пошел впереди лошадей и уткнулся в забор. Сразу обрадовался: если есть забор, значит, есть и дом, где кто-то живет! Сказал кучеру и старичку: «Подождите меня, я сейчас схожу и все узнаю». Зашел за ограду, видит дом и свет в окне. «Слава Богу!» – промолвил он и постучал в дверь. Открыл бородатый хозяин и пригласил войти. «Но у меня там люди» – сказал Николай Николаевич. «Зовите их тоже, милости просим, переночуйте». Николай Николаевич быстро побежал обратно за стариком, кучером и лошадьми. Но когда подошел к саням, смотрит, а старика-то нет, он спрашивает кучера: «Где он?» Кучер говорит:

«Я на миг прикрыл глаза, а когда открыл, то его уже не было». «Боже мой! – промолвил Николай Николаевич, замерзнет старик». Говорит кучеру: «Заезжай за ограду», а сам бегом к хозяину рассказать о беде. Хозяин быстро оделся, пошли вдвоем искать старика, туда-сюда – нигде нет, если бежать дальше, то заблудишься и замерзнешь. Побежали к бабушке, чтобы звонить в колокола, собрать мужиков, чтобы разыскивать старика. Зазвонили колокола, стали сбегаться мужики. Николай Николаевич рассказал им о потерявшемся старике. Все опять забегали вокруг деревни, но безуспешно – старика нет. Тогда бабушка говорит: «Давайте отслужим молебен Николаю Чудотворцу». И когда Николай Николаевич зашел в храм и посмотрел на образ Николы Чудотворца, то увидел сходство с пропавшим стариком. Тогда всем стало ясно, что это и был Никола Чудотворец!

От такого рассказа у меня даже мурашки по телу побежали. А Зинаида Ивановна еще и добавила: «Вот почему у нас все теперь в роду Николаи!» Хотелось слушать ее еще и еще, но за мной уже приехали, и нужно было ехать на репетицию. К концерту в Алис Тали Холле я готовил камерную программу под рояль. Пианистка оказалась блестящая, только что приехала из Москвы, Наташа Нечаева. Так что с ней было одно удовольствие работать. Без остановок прошли всю намеченную программу. А после репетиции я зашел к знаменитому певцу, басу Александру Кипнису. Заметил, что всюду на уличных столбах были афиши с рекламой. «Постара-

лись», подумал я. Первое впечатление от Нью-Йорка было ужасное. Я имею ввиду построения, эти небоскребы, кишат всюду люди, гудят такси, грязь на улицах, что не вызвало охоты погулять по улицам пешочком.

Был воскресный день, и мы всей семьей, для меня уже как родной, отправились в православный русский монастырь в Джорданвилль, до которого от Нью-Йорка было несколько часов езды на автомобиле. Дорога широкая и прямая, так что сынок Коля мог развивать большую скорость. Еще за километры показался купол храма, а затем и весь монастырь. Такое красивое явление захватило дыхание, казалось, что мы подъезжаем к кусочку земли, где стоит наша святая Русь! И уже сотни автомобилей, как в очереди, растянулись на километры перед монастырем. Все спешили не опоздать на литургию. Наконец-то мы подъехали к святому месту, но негде было поставить автомобиль – такое скопление русских людей. Весь двор монастыря был заполнен тысячами верующих, и больше было детей и молодежи. Был престольный праздник, и съехались отовсюду, даже из ближних городов Канады. Хотя это и несправедливо, ведь перед Господом мы все равны, но меня пропустили в храм, как залетного гостя. Такого торжества я еще в своей жизни не ощущал. Столько искреннего моления приятных и опрятно одетых людей, столько радостных и открытых лиц, такое великолепное расположение зданий монастыря – тут и семинария, келии, трапезная, огороды, сады, сельское хозяйство – все свое, пол-

ная монастырская независимость! Служил сам митрополит Филарет. Съехались хористы из других храмов – такое было пение, что даже природа вокруг притихла. И разносилось православное русское пение по всей долине. Другого нельзя было и ожидать, ведь это душа всего русского рассеяния. После торжественного богослужения было много причастников. Владыка Филарет произнес трогательную проповедь и гостей пригласил в трапезную. С молитвою приняли пищи и спокойно все стали расходиться. Мой земляк по Австралии, монах Алексей, пригласил меня поплавать на маленькой лодочке по озеру. Видимо, ему хотелось узнать, как поживают дома мать, братья и сестра, так как он уже несколько лет как ушел в монахи. Когда мы сели на лодочку и поплыли, погода была хорошая, но когда уплыли далеко, то подул ветерок, и нас начало сильно качать, и направить паруса обратно было трудно. Нас отбрасывало все дальше и дальше от берега. Мне стало страшно, потому что если вымокнешь накануне концерта, то всё – отпел соловушка, а билеты распроданы и отменить ничего нельзя. Спокоен был только монах Алексей, всё приговаривал: «Не волнуйся, Александр, все будет хорошо, сейчас стихнет ветер, и мы поплывем обратно». Так и случилось – затих встречный ветерок, и мы постепенно поплыли туда, куда было нужно. Дорогой Николай Николаевич тоже уже начал беспокоиться. Еще некоторое время побыли на святой земле, отдохнули душой и вернулись в страшный громадный город Нью-Йорк. В какой-то

степени как из рая в ад. Стали снова «цивилизованными». Хорошо, что дом Николая Николаевича находился на окраине города, можно было еще дышать. В этот день уже мне не хотелось ничего делать и никого видеть, чересчур было хорошо на душе. Да и спал в эту ночь, как ребенок. Даже не слышал семейные разговоры. Вот что значит духовная пища! Как трагично, что в массе своей человечество все больше и больше забывает об этом, беспокоятся только о животе и кармане. Неудивительно, что у людей каменеют сердца, все пленится долларом. Забывают, что жизнь дана для того, чтобы прожить, а не просуществовать.

Отовсюду, даже из Канады, съехались соотечественники на концерт в Линкольн Центр – на автомобилях, поездах, самолетах. Громадный концертный зал был заполнен до отказа с разрешения пожарного отделения города. Вначале мне было удивительно, почему столько полиции вокруг, а потом вспомнил, что я нахожусь в Нью-Йорке. Программу я приготовил очень сложную, классическую, так что перед выходом на сцену волновался сильно, да и пробить ледяную дверь музыкального мира города-гиганта непросто. Здесь критики искусства, как пираньи, или помогут карьере, или отправят в бездну. Хотя я по натуре не карьерист, пою потому, что люблю петь, а если еще с удовольствием слушают люди, то это уже награда! В зале сидели именитые и простые слушатели. Переполненный зал, превосходная акустика и сцена увели меня в тот исполнительский мир, где только Бог

и я. И когда я закончил последний номер, то мне показалось, что это сон. Такого ощущения я еще никогда не испытывал. Только когда стал петь на бис, то уж приземлился. Потрясающим был момент, когда милые женщины и девушки подносили цветы, мне почему-то хотелось плакать, может быть из-за того, что я романтик. Или уже нервы расшатались? На концерте присутствовал председатель кадетского объединения и вручил мне пригласительные билеты на Кадетский традиционный бал, который должен состояться через два дня в одной из самых красивых гостиниц города. Поступило и много других приглашений. На другой день дал концерт по случаю 30-летия основания Организации Объединенных Наций, где присутствовали дипломаты и служащие этой организации. После чего у меня было какое-то странное ощущение. Я не чувствовал человеческой искренности, что затрудняло исполнение. Видимо, действительно, это специально тренированные люди – в голове у них постоянно присутствует политика. А я политику терпеть не могу. С тех пор я всегда отказываюсь выступать там, где есть политическая закваска. Зато какой радостью для меня было выступить в Русском культурном центре «Родина» перед казаками и казачками! Это неопишуемая картина! Здесь, наоборот, была только искренность. Любить так любить, а рубить так рубить! На почетном месте сидели Сергей Жаров с супругой, атаман Всевеликого войска Донского профессор Федоров, есаулы и хорунжии. Здесь я уже выливал всю мою

душу – пел казачьи песни, лихие и грустные, хотя у меня только чуточка казачьей крови по бабушке Аникьевой. После концерта устроили вечеринку с застольем, и тут я увидел, как казаки умеют веселиться. Появились кубанцы, донцы, уральцы и как начали плясать от малого до старого, что даже люстры зала тряслись! «Боже мой! – подумал я, вот где удаль боевая, вот такие должны быть защитники Отчизны – бесстрашные орлы!» Председатель центра показал мне богатый казачий музей и рассказал, как вновь приезжие из Союза нерусские беженцы уже успели залезть в музей и стащить незаменимые вещи. Я его спрашиваю: «Как это вы, казаки, могли не укараулить?» «Да дали промах – ответил он, чересчур поверили в демократию и свободу, а тут, оказывается, знай, не робей».

В Нью-Йорке находился и герой, Борис Коверда, тот самый человек, который в свои юные годы застрелил советского посла в Варшаве. Как известно, после революции русские от смерти бежали, куда могли, небольшая часть русских попала в Польшу, в том числе и мальчик Боря с семьей. И вот однажды он присутствовал на каком-то собрании, где выступал посол Войков и красноречиво, с восторгом рассказывал, как он принимал участие в убийстве русского Царя и Царской семьи. И эта наглая злая речь так подействовала на мальчика, что он решил его убить. Но дело это непростое и нелегкое. Боря не знал, где и как достать пистолет, ведь все были нищие беженцы. Стал по копеечкам копить. Ему

пришлось больше года собирать деньги. Затем купил через кого-то пистолет. Все это время он выслеживал посла, читал прессу, где он бывает. И вот в один прекрасный день, когда посол возвращался на поезде из Москвы, при выходе из вагона на вокзале Варшавы Боря его и встретил. В упор смертельно ранил хвастуна-убийцу. Мальчик был настолько мужественный, что даже не убежал и сдался милиции. Сразу завопила вся пресса, посыпались протесты со стороны Советского Союза, состоялся суд над мальчиком, и осудили его на пожизненное заключение. Это заставило все русское рассеяние сплотиться и хлопотать о снижении срока, ссылаясь на то, что мальчик несовершеннолетний. Обращались и в разные страны к правителям. И срок заключения сбавили. Такой подвиг и такая преданность Царю и России произвели глубокое впечатление на девочку Нину, которая, не зная Борю лично, полюбила его и ждала, когда он выйдет из заключения. Вышел уже мужчина, они поженились и вот сейчас проживают в Северной Америке. А когда я с ним встретился, то не мог представить, как такой кроткий человек, с ласковым лицом и добрыми глазами, мог кого-то убить, видимо, патриотический долг сыграл свою роль.

Ну вот, играет оркестр, кружатся пары, в разгаре Кадетский бал. Все одеты в красивые вечерние костюмы и платья, повсюду раздается смех, приветствия, звенят бокалы с шампанским и дружные «ура» и многолетие. И вдруг все затихает, старейший кадет и председатель объединения подает

команду: «Кадеты, становитесь!» К моему удивлению, молодые люди как мальчики, соскочили с мест и выстроились по линейке в два ряда. Широко раскрывается дверь, в зал входит княгиня Вера Константиновна Романова – дочь Великого князя Константина Константиновича, который также был известен как замечательный поэт под псевдонимом К. К. – покровительница кадетского корпуса. Это было как принятие парада. Что-то бесподобное! После краткой речи княгини, все кадеты дружно воскликнули трижды «ура, ура, ура!». И затем пригласили ее сесть за почетный стол. И какое было для меня счастье, когда я оказался рядом с этой чудесной русской княгиней! Первое, что меня покорило, это ее воспитание, благородство и одновременно простота. Я подумал, какая же была Россия! Она любезно и охотно рассказывала обо всем, о чем я ее спрашивал. Мне, который только что здесь появился, так было интересно и захватывающе!

Приехал в гости к Николаю Николаевичу молодой человек из Монреаля – Канады, Георгий Ильич Новицкий. Познакомился и я с ним. Сразу завязалась искренняя связь, несмотря на то что мы только что встретились. Георгий Ильич оказался музыкантом – композитором и монархистом. Через некоторое время он мне говорит: «Ведь я приехал специально познакомиться с Вами, Александр Васильевич, и пригласить Вас на гастроли в Канаду». «И на Съезд православной русской молодежи – добавил он, который будет проходить в городе Монреале через две недели и куда

съедутся русские молодые люди со всех стран и материков». Я не задумываясь ответил: «Я готов!» Хотя меня уже потяряли в Европе, так как я сообщил им, что скоро прилечу. Он сразу позвонил в три города: Монреаль, Торонто и Оттаву – и распорядился начать подготовку к моим гастролям. Такая хватка мне понравилась, с таким человеком можно делать дела. Обсудили некоторые вопросы по организации концертов, выступлений по телевидению, радио и возможности сделать граммофонную запись на пластинку, после чего я распрощался с русским импресарио, так как много еще нужно было сделать. В Нью-Йорке, главное, мне еще хотелось посетить все многочисленные православные русские храмы, монастыри, школы, музеи, театры, послушать несколько хоров, посмотреть на юных танцоров, балерин в русской балетной школе. Отказываться было неудобно, все искренне хотели мне показать свои таланты и методы преподавания, да и я это делал с радостью.

Тем временем вся русская колония готовилась к юбилею Сергея Жарова и его хора – пропели уже 60 лет. Дали десятки тысяч концертов по всему белому свету, записали десятки миллионов пластинок, прославили русские казачьи песни на всю Вселенную. Из Европы специально прилетел Николай Гедда с дочкой Танюшей. Это было событие исторического значения! Торжественный банкет проходил в роскошном зале. Поздравляли Жарова короли и президенты, знаменитости и простые люди. Он, человек небольшого роста, только

скромно отвечал благодарственной улыбкой. Да точна русская поговорка: «Мал золотник, да дорог!»

Познакомился еще с одним прекрасным семейством – Суваловых, чудные родители – матушка Маргарита и отец Артур, и красавицы доченьки Марина и Тамара. Они меня любезно покатали и показали город и окрестности, а так как Маргарита была членом правления специального комитета по подготовке к юбилею 1000-летия крещения Руси, то они заранее и позаботились пригласить меня принять участие в этом знаменательном событии. Случайно познакомился и с замечательным актером и режиссером Петром Устиновым – прямо на улице Нью-Йорка. Посетил, конечно, Метрополитен опера, слушал «Пиковую даму» Чайковского и, к сожалению, разочаровался. Было несколько хороших голосов, а остальные посредственные, дирижер, видимо, с похмелья так громко и быстро дирижировал, что бедные певцы не успевали выговаривать слова, старались делать звуки, кричать, чтобы оркестр их не заглушил. Только хор пел очень хорошо. Но мне этого недостаточно, чтобы дослушать оперу до конца – после второго акта я покинул прекрасный зал. Заметно, что коммерческий подход к искусству уничтожает истинное и естественное творение талантов.

Посетил могилу Сергея Васильевича Рахманинова и поблагодарил его за все.

Наконец-то мои обязанности в этой части США подошли к завершению. Столько за короткое время произошло,

что даже голова закружилась. Милое семейство Высоковых уже чуть ли меня не усыновило, и им не хотелось меня отпускать, особенно бабушке, так как я с ней почти что каждый вечер беседовал, вернее, наслаждался ее рассказами. Но увы, как говорится, пора вперед! Со слезинками в глазах я простился со всеми, сказав «до скорой встречи», и уехал поездом в Монреаль на Съезд православной русской молодежи.

Меня встретил энергичный и смекалистый Георгий Ильич и тоже не разрешил останавливаться в гостинице, увез к себе домой. По дороге он успел меня обрадовать и удивить. Он не только «поставил на рельсы» гастролы в Канаде, но и организовал мне поездку с выступлениями в Южную Америку – в Аргентину и Бразилию. Дом у Новицких трехэтажный и красивый. Встретила матушка Георгия Пана Пантелеймоновна, милые сестры Надя, Вера, Тамара и рыжая собака. Отца не было, «умер полгода тому назад», сказал сынок. «Был у нас морским капитаном», гордостью добавил Георгий Ильич. Словом, я опять оказался в патриархальной семье. «И везет же мне!» – подумал я. Познакомились, отведали вкусной пищи с сербскими приправами, так как мать была сербка, но уже обрусевшая. В большой комнате-гостиной стоял рояль. Георгий сразу решил блеснуть и начал играть свои произведения, и неплохие. Затем приятными голосами запели и сестры. Вот так началось мое пребывание на канадской земле в русском теплом доме среди единомыш-

ленников. Утром встали пораньше, чтобы не опоздать в храм на молебен, посвященный открытию Съезда. Служил сам владыка Виталий. Молодежи было так много, что они не помещались в Божием храме, молились за оградой. После молебна всех на автобусах и автомобилях повезли в большой зал для официального открытия и затем докладов и знакомства друг с другом. Давно я не видел столько русской молодежи, а главное, все из разных стран. Сразу познакомился с Наташей Семеновой из Франции, Сашей Рар из Германии, Игорем Василевским из Бельгии. Как молебен, так и официальное открытие были торжественными. Чувствовался мощный братский дух. Доклады были насыщенные, на разные темы: исторические, духовные, культурные и научные. Видимо, хорошо подготовились все докладчики, хотя и молодые, но захватывали аудиторию. По окончании докладов все поехали на природу, на пикник. А время уже было весеннее, все зеленело, расцветало. Закусив, все разделились на самостоятельные группы и начали друг друга веселить. Особенно всех смешил и веселил Вася, виртуозно играя на гитаре, подпевая забавные частушки, да такие, что до упада можно смеяться. Для меня после всех напряжений это было такой разрядкой! Веселились, а некоторые уже стали и ухаживать, до позднего часа, пока не пошел дождь. Для меня эта встреча была не только познанием, отдыхом, но знакомством с молодежью из Европы, так как я ехал туда, что и потом пригодилось. Но так как у меня подходило время концерта, то

я вынужден был покинуть Съезд. Стал готовить программу с молодой пианисткой Валентиной Куртовой. Зал Георгий Ильич выбрал первоклассный. В центре города на тысячу мест, и с хорошей акустикой, что самое главное для классического певца. Вначале молодая пианистка растерялась, пришлось мне с ней работать, как с начинающей, но её способности быстро помогли.

Ввиду того, что организовано все было чуть ли не экспромтом, то приходилось с утра до вечера работать. То интервью для газет и журналов, то телевидение и радио, причем на разных языках – французском и английском, так как в Монреале проживает большинство французов, а официальный государственный язык английский. Французов возбудил приезд президента Франции де Голля, когда на официальном приеме в Канаде он произнес речь, закончив её фразой «Вива ла Франс!». С тех пор и заговорили французы о независимости штата Квебек. Правду говорят, что без плана получается лучше. За несколько дней до концерта билеты уже были распроданы, и я был готов выступать. Как и везде истомившиеся по русскому пению, музыке русские люди съехались из близких и дальних мест южной части Канады. После успешного выступления и торжественного банкета мы с Георгием и Валентиной в ту же ночь на автомобиле поехали в город Торонто, потому что через день там был назначен концерт. Рано утром, когда город еще спал, мы приехали в Торонто. Здесь организаторами была замеча-

тельная русская чета Наталия и Игорь Депре, вот мы прямо к ним и подъехали. Они уже встали и приготовили завтрак, а отец, русский гусар, 98-летний Александр Владимирович уже пошел пешком в храм. На наше приглашение подвезти его до Божьего дома он отказался, с улыбкой сказал: «Да что вы?» «Вот это да! – подумал я. – Были люди в царское время!» «Он не только ходит за километр в храм – сказала Наташа, но и всю службу стоит, как вкопанный, не повернется!» Мы, молодые люди, даже как-то опешили. Гостеприимная Наташа и остроумный Игорь накрыли стол, угостили нас по-русски и стали знакомить с программой, которую они приготовили для меня. Здесь еще почище было все загружено. Наташа сказала: «Через два часа у тебя, Саша, выступление по телевидению, потом встреча с фотографом, а потом встреча с русской общиной в Культурном центре». А я говорю: «А когда же я посплю, ведь мы ехали всю ночь?» А она мне с улыбкой отвечает: «Тебе не стыдно, молодой человек? Видел, как мой папа по жизни шагает!» Да, конечно, мне было не до сна, все равно бы не уснул, только бы намучился. Сели в автомобиль и покатали смотреть зал. «Какое чудо!» – воскликнул я. Старинный зал с колоннами на шестьсот мест, прекрасный рояль, весь уже в цветах, особенно хороша сцена – сразу забыл про усталость.

Спел несколько вещей, звук, голос летят, звучат прекрасно, можно не напрягаться. Валентина была тоже довольна инструментом. После чего я мог и горы перевернуть. Что

значит настроение! Выступление по телевидению получилась интересное, даже забавное, брала интервью молоденькая канадка, и, когда она спросила меня, где я родился, я ответил, что в Китае. «А гражданство ваше какое?» Я говорю: «Австралийское». «А по национальности кто вы?» «Русский». Здесь уже она запуталась так, что громко рассмеялась и быстро перешла на другую тему. Затем я исполнил знаменитую «Блоху» Мусоргского и серенаду Дон Жуана Чайковского. Получилось необычное выступление и зрителям очень понравилось, даже после, когда я уже уехал, эту запись повторяли несколько раз. Встреча с соотечественниками, как и всюду, была душевная. Был Тихон Куликовский-Романов, родной племянник царя Николая Второго, то есть сын Ольги Александровны. Замечательный писатель, борец за правду Николай Толстой, который описал зверскую расправу над казаками в г. Линце, как силой выдавали пленных на смерть в советские лагеря так называемые вожди гуманности.

Когда приехали поздно вечером домой, то я не хотел никого и ничего, лишь желал побеседовать с гусаром. Видимо, он это чувствовал и тоже меня поджидал. Закрылись мы в комнате и опять чуть не до утра проговорили. Это было что-то неземное! Какой чистый ум, какое воспитание, какое благородство, какое простое задушевное творение! Мне хотелось его слушать и слушать. Боже мой, сколько он мне рассказал о матушке России! Он так ярко все видел и предска-

зывал. После такого дня и такой ночи я весь день отдыхал, набирался сил перед концертом. Концерт состоялся и все были довольны. Описывать подробности не стоит, чтобы избежать повторений, но скажу лишь то, что я еще не видел такого скопления красивых русских девушек в одном месте, в зале, одна другой краше. Назавтра мы с Георгием распрощались с добрыми русскими людьми и покатали в столицу Канады Оттаву. На дворе уже весна, все зеленое, в цветах, и березки как-то ласково шумели листьями, напоминали о русской природе. Ехать было одно удовольствие. Глядя на природу, ощущал прилив сил и хотелось петь. От Торонто осталось приятное впечатление – город красивый, весь в зелени. На фоне живописной природы незаметно доехали до места назначения. И сразу в концертный зал – провести репетицию, ведь уже через несколько часов концерт. Георгий мне рассказал, что здесь русская колония небольшая, но активная. Поблизости живет известный публицист, общественный деятель и казак Георгий Моисеев. Есть общество имени Чехова и главное – есть несколько наших православных храмов. Отпели и тут концерт, возбудили публику, а особенно соотечественников, и опять на автомобиль и в Монреаль. Не могли даже по-настоящему пообщаться с земляками, потому что Георгий торопился домой, так как жена ожидала в любое время ребенка. В полночь уже были дома, где и застала Георгия приятная весть – родился мальчик. Вся семья радовалась – ведь родился наследник! Ну, а я вооб-

ще очень люблю детей, так что тоже радовался до слез. Все в голос попросили меня стать крестным отцом ребенка. Через несколько дней покрестили мальчика и назвали его Сергеем. Так что за короткое время я не только близко познакомился с добрым семейством Новицких, но и породнился с ними. Крестины справили по-русски, со всеми обрядами. Побыл еще несколько дней в Монреале, Георгий меня повозил по окрестностям, показал природу и другие городки. Конечно, необъяснимое впечатление осталось от Ниагарского водопада, грандиозное природное явление! Природа меня захватила, и я решил прежде, чем лететь в Южную Америку, сесть на поезд и объехать всю Северную Америку вдоль и поперек. Купил месячный билет и покатил. Целый месяц буквально жил в поездах и в вагонах, только знал следить за расписаниями поездов, чтобы вовремя пересесть с поезда на поезд. Это для меня было не только отдыхом, но и открытием Северной Америки. Какая разнообразная природа, которая с переменой времени и географического положения менялась и отличалась, как небо от земли: то сухо, то мокро, то зелень, то все желтое, то горы, то равнины, то быстрые горные реки, то спокойные озера... Каких людей встречал! Особенно те, которые живут на земле, а не на асфальте, фермеры, которые кормят население. Такие простые, добрые, здоровые и жизнерадостные!

Заезжал и в американский Питер в штате Флорида, который был построен по плану русского архитектора. Почему

и носит имя Петра. Где из-за теплых климатических условий, почти что круглый год проживает уважаемое старшее пенсионное поколение, в том числе много и наших чтимых русских. Главным образом те, кто обогащал своими умами и талантами не только русские общины, но и духовную, культурную и научную жизнь США, Канады и Мексики. Много ученых, профессоров, инженеров, деятелей культуры, певцов, музыкантов, танцоров, актеров, художников, спортсменов, писателей. Я с удовольствием пропустил поезд и на сутки остался побыть с гигантами нашего столетия. Сколько я почерпнул от них знания об исторической правде. Какими трудными, а порой и безнадежными, путями шли они по жизни, но выжили, пережили, не отчаялись! Каждая минута общения с ними для меня была страницей печальной и достойной жизненной книги. Глядя на больные старческие лица с устремленными на меня блестящими, полными жизнью глазами, я благодарил Бога, что мне удалось соприкоснуться с ними не только физически, но и пообщаться духовно. Я имел честь спеть для них и от всей души поблагодарить их за все, что они творили во имя России, на благо русского народа и всего человечества. Общался с ними несколько часов, но мне казалось, что проходили целые годы. И, несмотря на то что я уже многого достиг в своей жизни и порой чувствовал себя великаном, но перед ними я казался, как мушкетер с ноготок. Тяжело было с ними расставаться, но ничего вечного не бывает кроме души. Меня уже ждали в Ар-

гентине. Я сел в поезд по направлению к Нью-Йорку, в окне мелькали деревья, люди, дома, но мне не хотелось ничего видеть – шумели колеса, и текли слезы. Приехал в Нью-Йорк, нанял такси прямо в аэропорт и через несколько часов я уже был в воздухе маршрутом на Буэнос-Айрес. Встретил меня батюшка отец Владимир и увез в гостиницу. Вскоре подошли известный русский журналист, писатель-публицист Коля Казанцев, Михаил Киреев, редактор русской газеты «Наша страна» и другие аргентинские репортеры. Они узнали, кто я, а я узнал, кто они и что буду здесь делать. Мне было приятно узнать от Коли и о великом русском патриоте-государственнике Иване Солоневиче. Он и был воспитателем Коли и всех других русских молодых патриотов-монархистов. Он был ядром – защитником России! А когда я прочитал его книгу «Народная монархия», то убедился, что это, действительно, умный русский человек двадцатого века. Узнал, что в городе Буэнос-Айресе три православных русских храма, культурный центр, русские школы. Коля говорит, что сейчас не то, что было раньше в Аргентине. Тогда здесь, можно сказать, был культурный русский центр всего русского рассеяния. Последние десятилетия многие разъехались в разные страны из-за того, что жизнь стала труднее, все эти безумные революции и перевороты власти замечательную страну привели к разорению. «Но мы, русские, не сдаемся!» – заключил красноречивый русский публицист. Утром мне захотелось пойти в храм, где я не только спокойно

помолился, но услышал такой голос, какого я давно не слышал. А так как он пел на клиросе, я не мог видеть, кто это так душевно поет. По окончании литургии спросил отца Владимира: «Кто это пел приятным баритоном?» Батюшка ответил: «Это наш Виктор! Русский соловей! Я вас сейчас познакомлю». Подходит человек маленького роста с открытым русским лицом и громко представляется: «Я Виктор Трофимов». «Будем знакомы» – ответил я. Виктор был настолько уникален, что я даже растерялся. Что-то в нем было такое, чего не объяснишь. Когда он узнал, что я певец, то тут уж его нельзя было остановить, сразу говорит: «Идем в ресторан и отпразднуем знакомство!» Пригласил меня в автомобиль, и мы поехали. По дороге он стал рассказывать о себе, как он рос в сибирской деревне в крестьянской семье в то время, когда советский народ переживал голод, насилие, страх – все то, что было умышленно организовано наследником Ленина – Сталиным. «Мне, двенадцатилетнему мальчугану приходилось, как взрослому, выполнять самые трудные работы, чтобы как-то облегчить угнетенную жизнь родителям и малютке сестренке. А в свободное время я убежал на поле пасти коров и одновременно пел все, что шло в голову. Божий дар – свой голос изливал в русских песнях о чудной природе, о великих русских героях, о родном национальном быте». Вдруг Виктор затормозил – мы подъехали к ресторану. Не успели войти, как Виктору подбежал хозяин и радостно проводил к столу, а все присутствующие зааплодировали.

ли. Виктор сказал, что он не пьющий! Но как не выпить, когда встречаются два русских певца! Да и я тоже не любитель выпивки, но тут уважительная причина, так что хозяин поставил на стол бутылочку первоклассного аргентинского вина. Вскоре появилась разная закуска: мясо – говядина, баранина, свинина, курятина... Немножко подкрепились, выпили по бокалу, и Виктор продолжил свой рассказ: «И только в тот момент я ощущал принадлежность к своей Родине, Православию, великой русской культуре! И наедине с природой я часто думал, что бы было, если б в России управляли ее сыны, а не интернационалисты, прискакавшие со всего белого света, которые создали нечеловеческие условия жизни, породив детскую беспризорницу». Тут у Виктора показались слезы и он говорит: «Ты прости меня, Александр, что я распустил нюни, но накипело, браток, трудно воздержаться. Может быть, лучше спеть?!» И запел так, что все замерли, откуда такая мощь голоса? Звучит на испанском языке «Гранада», и как она звучит! Несмотря на то что я уже слышал многих певцов, но такого исполнения я никогда не слышал. Все по-латински громко стали аплодировать. Виктор сел, снова выпили, и он продолжил рассказ: «Ведь советская власть не беспокоилась и не хотела заботиться об образовании и развитии талантов подростков, видимо, боялась, что просвещение откроет глаза на систему управления государством, основанную на лжи, терроре, пропаганде... Вот почему этот период в истории России останется без обогащения

национальной культуры. Ко всему этому несчастью русского народа началась Вторая мировая война и молодежь, которая не получила ничего от советской власти, оказалась на фронте без армейской подготовки. Неудивительно, почему гибли миллионы молодых людей, и вожди их не жалели, только убитые горем матери тайком проливали слезы и молили Господа, чтобы увидеть живыми родных сыновей». Виктор опять прослезился и запел на этот раз русскую песню «Жди меня, я вернусь, Россия!», которую написал сам. В ней Виктор выложил всю свою душу. Кто на чужбине не мечтает вернуться домой в Отчизну! «Тем временем немецкая армия уже зашла в малороссийский край, – продолжил Виктор, – и во время боя под Киевом меня ранили и захватили в плен. А как только немножко пришел в себя, нас всех, пленных, отправили в Германию работать на нужды фронта под дулом ружья. Во время переезда на пароходе попали под бомбардировку, и судно было разбито и потоплено, остались только плавающие части его. На одном из них держался я, раненый, прощаясь с белым светом. Несмотря на то что советчики старались воспитывать детей в атеизме, в момент гибели, когда я уже несколько раз уходил под воду, я вспомнил бабушку и ее молитвы, которым она учила меня в детстве – „Боже, прости и помилуй меня, грешного“ и добавлял свои слова – „Я верю в Тебя, Боже, и никогда не предаю Тебя в моей жизни“. И дошли молитвы до Всевышнего». Опять у Виктора перехватило голос. «Вскоре приплыли спасательные лодки,

и меня, уже без памяти, подняли на борт. Не чудо ли это? – уже со слезами сказал Виктор. По приезду в Германию все пленные были помещены в специальные лагеря. Одним словом, попал я из одного кошмара в другой. И продолжалось это до конца войны. А когда окончилась война, пленные других наций могли возвращаться домой, а нам, русским, ехать было некуда, Родина осталась под чужеземным игом, и патриотам по возвращении на родную землю – расстрел за то, что попали в плен и видели, как люди живут за границей. Была ужаснейшая картина, когда так называемые гуманисты во главе с англичанами силой выдавали казаков. Незабываемым моментом для меня был трагический случай с молодым казаком. Когда пришли его забирать, он на ломаном английском языке просил американских офицеров не выдавать его. На его защиту встал только офицер-негр, он просил своих белых товарищей не делать этого. Но всё было бесполезно. Выдавальщики загнали казака в комнату и уже были готовы. Застить его, когда он в отчаянии вскочил на подоконник, пробил головой стекло и осколком перерезал себе горло». Голос Виктора опять сорвался. «Вот какие служители мирового порядка, вот какая советская власть! Люди предпочитают смерть, нежели жить при такой власти. После этой ужасной картины я решил во чтобы-то ни стало сбежать из лагеря, и с Божией помощью, и помощью добрых людей мне удалось исчезнуть и затем переменить фамилию для того, чтобы получить разрешение на выезд в Южную Америку, пото-

му что с русскими фамилиями никуда не брали. По приезде в Аргентину тоже пришлось хлебнуть горя, от правительства не было никакой помощи. Но, благодаря глубокой вере в Бога и желанию жить, группа земляков объединилась, и недалеко от столицы выкопали ямы, покрыли их крышей и начали официальную эмигрантскую жизнь далеко от порабощенной Отчизны. Через некоторое время я познакомился с немцем-фабрикантом, я ему понравился как человек и певец, и он мне предложил работу. Совместная работа позднее нас сделала друзьями, а затем и компаньонами строительной компании. За это время я встретил девушку из Закарпатья и женился. Одновременно стал учиться на архитектора, и брать уроки пения, и вскоре получил предложение от оперной компании исполнять главные роли для баритона. Но появились дети, и пришлось карьеру певца оставить, открыл свое дело – фабрику ткани, изобрел свой материал, за который получил даже золотую медаль от президента Аргентины. Высокое качество и спрос на материал дали возможность открыть еще фабрику и магазины – словом, из нищего превратился в миллионера. И вот в настоящее время, уже в преклонных годах, устал от работы, а новое поколение – дети – не хотят продолжать мое дело, вот и думаю все продать, отдать и уехать куда-нибудь на природу от цивилизации».

Крякнул Виктор и предложил выпить за наш многострадальный русский народ, за матушку-Русь! Посмотрели на часы, а уж перевалило за полночь. Опять передо мной прошла

невероятная картина жизни еще одного русского замечательного, гениального человека. Глядя на Виктора и слушая его, я думал, какие все же бесподобные русские: потерять почти что всё, оказаться на чужбине, и не только выжить и до какой-то степени быть обиженным на Отечество, судьбу, нет – они продолжают любить Россию, творить во славу её. Они не только обогащаются духовно и материально, но и обогащают все вокруг себя духовностью, культурой и наукой! Удивительное творение Господа! Виктор отвез меня в гостиницу, мы расцеловались и молча расстались. Конечно, в ту ночь я опять не спал. Утром быстро позавтракал и пошел знакомиться с красавцем городом. Вышел на самую широкую улицу в мире – Девятый бульвар, от него отходили маленькие уютные улочки. Гуляет много народа, все переговариваются, шутят, смеются, никто никуда не торопится, одеты все со вкусом, опрятно. Особенно приятно было наблюдать, как целые семьи из трех поколений дружно гуляют по улицам. А какой театр Колон, где самая превосходная акустика, где пели, играли и танцевали все великие творцы искусства, в том числе великие: Федор Шаляпин, Сергей Рахманинов и Анна Павлова. После обеда встретился с импресарио, и мы обсудили программу моего пребывания как певца. Было не так все перегружено, как в Канаде – всего лишь выступления на радио, по телевидению и один концерт. Со всем этим я успешно справился за несколько дней и улетел в Сан-Паулу – Бразилию. Еще будучи в воздухе над

городом, я сразу вспомнил Мехико – такой же громадный и такой же грязный, весь в дыму. А главное, аэропорт находится в центре города среди небоскребов. Это надо быть каким акробатом – пилотом, чтобы посадить туда большую механическую птицу. Казалось, что мы вдруг провалились и сели на землю. Воздух был настолько загрязнен, что нечем было дышать. Слава Богу, что у меня было только два выступления, и через день я мог сбежать на бразильскую ривьеру, в город Рио-де-Жанейро. Там народ добросердечный, встретили меня очень тепло. В Сан-Паулу есть православный храм, небольшая русская община, большинство из Китая и уже престарелые, а молодежь уже разъехалась, да от такого загрязнения воздуха всем нудно удирать. Город перенаселен до отказа, около 15 миллионов обитателей. Погода была душная и жаркая, не хотелось гулять по улицам и изучать город. Но не везде же должно быть гладко – успокаивал я себя. На концерте спел несколько арий под оркестр и исполнил ряд романсов русских композиторов. Как говорится, сорвал аплодисменты и шапку в охапку и ходу из Сан-Паулу, с надеждой, что отдохну около моря в Рио-де-Жанейро. Но не тут-то было, погода была невыносимо жаркая. Пока ехал из аэропорта, вся одежда стала мокрая. Весь как мокрая лягушка, забежал в гостиницу, снял комнату, надел купальный костюм и бегом на пляж Копокабана. Забежал в воду, а вода тоже теплая, я дальше, а воды по колено, вокруг тьма оголенных людей, некоторые очень оголенные, только чуть-

чуть прикрыто, да и то прозрачными купальниками. В общем, попал, как в стаю акул двуногих. Когда вышел на берег, то меня сразу окружили молоденькие девчата, но я, ничего не подозревая, шучу с ними, а они все плотнее и плотнее прижимаются. Вдруг вижу – бегут два полицейских, шустрые девушки быстро разбежались. Я, невинная жертва, ничего не понимал. Они мне стали объяснять, чтобы я был осторожен и не подпускал их к себе, это те самые девушки, которые обворуют и могут даже убить.

Словом, знакомство с городом произошло драматическое. Вернулся в гостиницу, принял душ и лег на кровать отдохнуть и прийти в себя после таких походов. И как провалился – заснул таким крепким сном, что до меня даже не могли дозвониться организаторы гастролей. Только на завтра встретились и познакомились. Они уже все были в панике и хотели даже с полицией вламываться в мою комнату. И хорошо, что этого не сделали, я выспался и пришел в себя. В Рио был только один концерт под аккомпанемент трио: виолончели, скрипки и пианино. Так что особенно можно было не волноваться. После искушения на пляже и спасения моей жизни милиционерами, я разыскал православный русский храм и усердно помолился. Расположен город на очень красивом месте – на горе, как бы возносясь в небеса, стоит величавый крест – распятие Спасителя рода человеческого. Населения немного и воздух свежий, хотя и порой влажный. Круглый день всюду звучит музыка, все, кому не лень,

танцуют прямо на улицах. Большое скопление красивых девушек, так как сюда люди приезжают с деньгами. Необыкновенной красоты девочки-полукровки, фигуры как выточенные, большие глаза, одеты в яркие одежды. И чуть ли не каждый день карнавал! Город не спит! Веселятся день и ночь! Через день дал концерт, принимали очень хорошо, зал был полный, и большинство туристы. Покупался, позагорал и улетел в Париж.

Европа, Азия и Африка

Прибыл в город Париж на светлую Пасху. Встретила меня Наташа Семенова, девица, с которой познакомился в Монреале на съезде православной молодежи, и повезла на квартиру, которая по моей просьбе уже была снята в одном из самых лучших районов – шестнадцатом, недалеко от Булонского леса. Первое впечатление от Парижа захватывающее. Город с красивой архитектурой и со вкусом построен, что для меня, строителя, было очень приятно. Квартира мне понравилась, особенно после того, как я узнал, что в соседях живет великая певица Мария Каллас. На завтра познакомился с замечательной пианисткой Надей Гедда-Нова, и начали работать над репертуаром. Через несколько дней получил предложение дать ряд концертов и сделать запись русских романсов для радио «Франция». А в свободное время изучал французский язык. Я старался слушать новости по радио, читать газеты и журналы, смотреть документальные фильмы – и это мне очень помогало. А чтобы познакомиться с русской колонией, да и пасхальная неделя шла, я пошел в собор Александра Невского. Какое красивое творение! Храм заполнен до отказа, люди стояли вокруг и даже за оградой. Собор был построен в конце прошлого века императором Николаем Вторым. Совершалось архиерейское богослужение, изумительно пел хор. По окончании литургии

Наташа стала меня знакомить с известными деятелями культуры и талантливыми людьми. Но меня больше интересовали уже пожилые и преданные Отечеству эмигранты так называемой первой волны – князья, генералы, писатели – те, кто видел и защищал царя и Россию! Но, к сожалению, их было уже немного, почти что все они лежат на русском кладбище недалеко от Парижа. Заглянул в русскую лавочку за углом от собора, где милая хозяйка пригласила отведать пирожков и борща, всё было очень вкусно. Мы пошли гулять по парижским бульварам. Что не угол и улочка, то история! Какой оперный театр! Музей Лувр! Ничего подобного я в своей жизни еще не видел, хотя уже проехал четыре материка. «Все-таки велика Европа традициями!» – говорил я Наташе. День пролетел незаметно как сон. Вечером же начались звонки. Меня всегда удивляло, как быстро люди узнают номера телефонов, тем более что я никогда никому не даю свои телефонные номера, потому что это утомительно. На следующий день я уже стал самостоятельно изучать город! Когда ходишь сам по себе, то лучше всё замечаешь и запоминаешь. С утра до вечера бродил и наслаждался французской столицей! А когда поздно вернулся домой и стал снимать ботинки, то увидел на подошвах дыры. В это время в Париже гастролировал замечательный русский пианист из Швейцарии Никита Магалов, мне очень хотелось его послушать. Только подумал, где купить билеты, как раздался звонок – звонит Галина Григорьева и приглашает на его концерт. Удивительное

явление, хотя ничего случайного не бывает, о чем я расскажу позднее. С удовольствием принял приглашение, да и голос был очень приятный по телефону. Договорились встретиться в фойе театра. Быстро собрался и поспешил к месту встречи. Узнать ее было легко, потому что она оказалась очень красивой дамой, а это моя слабость. Познакомились, она мне рассказала о себе, а я ей о себе. Галина Николаевна оказалась очень талантливым и влиятельным человеком в музыкальном мире Франции: певица, пианистка, дирижер хора имени Чайковского и профессор консерватории имени Рахманинова. Прослушали концерт пианиста, действительно замечательного! Особенно мне понравилось, как он играл Рахманинова и Шопена.

Посетил казачье кладбище под Парижем, где стройно стоят кресты с русскими именами и фамилиями. Предстала перед моими глазами картина 1814-го года, когда казачьи сотни шли по центральному бульвару, на ходу забегали в кафе и просили быстро подать выпить. С тех пор слово «быстро» стало «бистро» – названием ресторанов по всей планете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.